

ЛЕОНИД
КЛИМОВИЧ

ТЕННИС

ЛЮДИ

ЖИЗНЬ

*Посвящается двум главным женщинам моей жизни:
маме, которая не только подарила мне эту жизнь
и счастливое детство, но и привела меня в теннис,
и
жене **Татьяне**, которая поддерживает во
мне интерес к жизни и благодаря заботам
которой я продолжаю выходить
на корт*

Леонид Климович

**ТЕННИС,
ЛЮДИ,
ЖИЗНЬ**

Москва – 2020

УДК 796
ББК 75.577
К49

Климович, Леонид Степанович.

К49 Теннис, люди, жизнь / Л. С. Климович. — Москва : МАКС Пресс, 2020. — 128 с. : ил.

ISBN 978-5-317-06548-5

Автор книги воспоминаний Леонид Климович — теннисист и тренер, ученый и журналист, автор трех книг-учебников по теннису и десятков статей, редактор и переводчик двух книг по теннису, автор и исполнитель песен — рассказывает о своей жизни в теннисе, об интересных людях, с которыми его свел теннис, о забавных и курьезных фактах, свидетелем и участником которых он стал.

Книга представит интерес для тех, кто интересуется историей отечественного и мирового тенниса «в лицах и фактах» и кто будет рад ощутить забытые и вызывающие улыбку реалии московской жизни второй половины XX века.

УДК 796
ББК 75.577

Издание для досуга
КЛИМОВИЧ Леонид Степанович
ТЕННИС, ЛЮДИ, ЖИЗНЬ

Издательство «МАКС Пресс»
Главный редактор: *Е. М. Бугачева*

Напечатано с готового оригинал-макета
Подписано в печать 14.01.2021 г.
Формат 60х90 1/16. Усл.печ.л. 8,0.
Тираж 28 экз. Заказ 002.

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
115201, г. Москва, ул. Котляковская, д.3, стр. 13.

ISBN 978-5-317-06548-5

© Климович Л. С., 2021
© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2021

... и дар Богов — великолепный теннис
Осип Мандельштам, 1913 г

Вступление

Когда в Москву пришла длительная самоизоляция, я решил заняться каким-нибудь большим творческим проектом. Моя жена Татьяна помогла мне записать несколько моих старых песен, но затем музыкальное направление забуксовало. И тут из США по электронной почте пришли мемуары моего теннисного товарища Юрия Ямпольского «Записки химика и теннисиста». Я их прочел, задумался и взялся за книжку своих воспоминаний, напрямую или косвенно связанных с главной страстью моей жизни — теннисом.

О чем эта книжка? Это калейдоскоп коротких невыдуманных рассказов о людях, повлиявших на мое теннисное развитие, о забавных, курьезных и неожиданных фактах из моей теннисной жизни, оставивших след во мне и, к счастью, не стертых временем.

У меня было искушение писать откровенно и завещать выпустить книгу в свет через какое-то количество лет после моего ухода. Тогда можно было бы не бояться задеть чувства детей и внуков представленных в ней негативных, на мой взгляд, персонажей. Так сделал великий Марк Твен со своей автобиографией. Но это искушение было побеждено соблазном лично вручить книгу некоторым упомянутым в ней и особо приятным мне персонам, отчего она недосчиталась нескольких «жестких» страниц.

Кому адресована эта книжка? Надеюсь, что ее прочтут те, кто интересуется историей мирового и отечественного тенниса «в лицах и фактах» и кто будет рад снова ощутить забытые и вызывающие улыбку реалии московской жизни второй половины XX века. Возможно, кого-то заинтересуют мои рассуждения о современном профессиональном теннисе и предлагаемые мною поправки к правилам тенниса.

Глава 1. Открытие чудного мира

Моя теннисная жизнь началась жарким августовским днем 1959 в Москве, в знаменитых Лужниках. На этом стадионе проходила II Спартакиада народов СССР, в программу которой входил и теннис. Теннисный турнир во всех разрядах развернулся в Теннисном Городке, который располагался за метромостом, на Лужнецкой набережной Москвы-реки и имел 36 отличных грунтовых кортов. Вот сюда-то, на окраину стадиона случайно и заглянули два 14-летних подростка — Леша Полевой и я. Его и мои родители снимали дачу в двухэтажном деревянном доме в подмосковном местечке Кучино, что рядом с известной всем Салтыковкой. Мы оба были большими любителями игр с мячом и приехали в Москву посмотреть Спартакиаду. Расположились на трибуне Центрального корта и буквально «погрузились» в зрелище неведомой нам игры. Для меня это стало открытием нового чудного мира, который был гораздо интереснее, чем Американская выставка в Сокольниках с ее длиннющими роскошными седанами и бесплатной гуталиновой пепси-колой. На площадке разворачивался упорный матч высокого уровня между киевлянином Михаилом Мозером (будущим победителем турнира) и бакинцем Сергеем Лихачевым. На всю жизнь мне запомнилось, как Лихачев, имея очень сильную подачу, неожиданно подал снизу ... мяч, едва-едва перелетев сетку, упал близко от нее на стороне Мозера, который даже не дернулся. Мне это так понравилось, что я решил: буду заниматься теннисом и обязательно освою такую подачу (отмечу, что я не раз с успехом использовал этот прием в соревнованиях и что это неизменно вызывало возмущение «страдавших» соперников).

Воодушевленные увиденным, Леша и я надумали играть в теннис на даче в Кучино. Мой отец, Степан Евсеевич, родившийся в белорусской деревне и дослужившийся до высокой должности в Главном Ракетно-Артиллерийском Управлении, вырубил топором из большой доски две ракетки. Он ни разу не видел настоящей ракетки, но сумел почти «угадать» ее пропорции и в конце ручки сделал утолщение — аналог современного упора-колпачка, который не дает руке соскользнуть. Когда сейчас пишу об этом, будто ощущаю отцовскую ракетку в руке. На следующий день отец привез из Москвы пару каких-то резиновых мячей подходящего размера. Я взял у мамы длинный кусок бельевой веревки, вместе с Лешей натянул ее между столбами грунтовой волейбольной площадки по соседству с нашим домом, и началась игра по каким-то теннисно-волейбольным правилам.

Чудо продолжалось несколько дней, мы оба были в восторге. Но однажды возникла роковая спорная ситуация: я выиграл очко, послав мяч, как мне казалось, невысоко над веревкой, а Леша был убежден, что мяч пролетел под веревкой. Спор продолжался минут 20, затем Леша швырнул ракетку на землю и ушел. Я собрал весь «инвентарь» и тоже отправился домой. С тех пор мы не перекинулись с ним ни словом. Слава Богу, дачный сезон скоро закончился, все вернулись в Москву, и я объявил родителям, что хочу записаться в теннисную секцию в Лужниках. Они одобрили мое намерение — все лучше, чем постоянно получать удары по ногам в футболе. В самом начале сентября мама и я отправились в Лужники, «записываться» в теннисную секцию.

Глава 2. Детская теннисная секция в Детском Городке Лужников

Взятие Детского Городка

Моя мама, Екатерина Ивановна, и я стояли у проволочного ограждения кортов Детского Городка Лужников. Я с интересом и волнением смотрел, как мои сверстники носятся по двум площадкам, а мама время от времени взмахивала рукой, пытаясь привлечь внимание тренера. Через полчаса он все же подошел к нам. Это был молодой красивый парень, выпускник Института физкультуры Лев Михайлович (Левон Микаелаевич) Агаян. Узнав, чего мы хотим и сколько мне годков, он участливо сообщил, что я опоздал на семь лет! Затем вежливо попрощался и вернулся на корты. А мы остались стоять у ограждения. Прильнув к нему, я продолжал внимательно следить за ребятами.

Когда занятия закончились, мама — кубанская казачка с бойцовским характером — подвела меня к тренеру и спокойно произнесла: «Мой сын сказал, что вашего ученика в голубых шортах он сделает хоть сейчас. Пожалуйста, проверьте сына». Лев Михайлович еще раз взглянул на меня и неожиданно улыбнулся: «Приходи завтра без мамы к четырем часам в кедах и шортах, будем проверять». Льву Михайловичу понравилась не моя наглость, а то, что я точно нашел самое слабое звено в детской группе — Валерия Белоручева в голубых шортах. Тот хоть и занимался теннисом уже пять лет, но действительно не был создан для этой игры.

Утром следующего дня мама купила мне дорожную, как мне показалось, ракетку «Москва» в магазине «Динамо», и я, бережно прижимая ее к себе, вышел в назначенный час на по-

строение детской секции. Лев Михайлович представил меня ребятам и сразу же отобрал у меня ненаглядную «Москву». Пока мы, в порядке разминки, бегали вокруг двух кортов, он сходил в «тренерскую» в административном здании и принес мне довольно необычную, но красивую и легкую венгерскую ракетку. После занятий он вернул мне «Москву» со словами: «Передай маме, что ты проверку прошел. Еще скажи, чтобы она завтра же вернула ракетку «Москва» в магазин. А ты послезавтра на занятия привези мне половину ее стоимости — это плата за твою первую ракетку». Так я стал членом теннисной секции и обладателем импортной теннисной ракетки. Она мне верно служила несколько лет, по крайней мере, ею я ни разу не проиграл Валерию Белоручеву. Она вместе с маленькой скрипочкой, на которой я играл в раннем детстве, до сих пор хранится у меня за стеклом в шкафу (несмотря на многие переезды), напоминая мне о маме, детстве и первом занятии на корте.

Зимы Детской секции в Лужниках

Лев Михайлович Агаян сумел договориться с дирекцией Лужников, и зиму 1959-1960 мы тренировались на корте с деревянным покрытием, который располагался на верхнем этаже Дворца спорта. Сменивший Льва Агаяна мастер спорта Дмитрий Иванович Синючков (о нем я рассказываю подробно в следующей главе) был воспитанником довоенной советской теннисной школы: в 30-50-е годы из-за почти полного отсутствия в стране зимних залов футболисты, теннисисты и спортсмены из других летних видов спорта — профессионалы и любители, мужчины и женщины — переходили на хоккей с мячом. Поэтому в зимы 1960-1961 и 1961-1962

на кортах Городка «по старинке» заливали лед, и мы играли на коньках в хоккей с мячом (по-моему, нелюдимый Дмитрий Иванович просто не умел договариваться с начальством). Мало кому из нас это нравилось. Чтобы мы не роптали, Синючков говорил, что хоккей совершенствует «работу ног» теннисиста, а девочкам разрешал не ходить на занятия (уж лучше бы на кортах утаптывали снег, чтобы мы все вместе играли в футбол, который для теннисистов, конечно же, полезнее хоккея).

Справка

Имена и фамилии моих товарищей по Детской секции, которые мне удалось вспомнить: Валерий Белоручев, Остапкович, Степанчиков, Аркадий Чувин, Ларин, два брата Бирман, Денискин, Наташа Рац и Наташа Петрова

Глава 3. Мои теннисные тренеры

Тренеры Детского Городка

Лев Михайлович дал мне первые уроки тенниса. Но через полтора года он ушел на административную работу в Федерацию тенниса Москвы, несколько лет был капитаном (организатором) сборных команд Москвы по теннису и не раз выводил их в чемпионы СССР. С конца 90-х он — президент Федерации тенниса Москвы.

Новым тренером секции стал мастер спорта Дмитрий Иванович Синючков, известный в прошлом теннисист (в десятке 1934-1944, лучшее место 3-4 в 1935, в 1938 в паре с Николаем Джаксоном он чуть не выиграл у пары Анри Коше / Августин Вельц, см. Главу 9). Это был довольно хмурый, не очень опрятный человек, но специалист — очень квалифицированный. Он постоянно смотрел соревнования по теннису и пополнял свой методический багаж. Показывая мне личные книги по теннису, он подробно комментировал имевшиеся в них фотографии, рассказывал о давних и недавних турнирах, обсуждал их участников и тем самым пробудил во мне вкус к анализу техники теннисистов по фотографиям и кинограммам.

Еще запомнился мне очень важный для меня, как я понял потом, и интересный разговор с Дмитрием Ивановичем осенью 1961. Летом того года в СССР приехала с гастролями труппа профессиональных теннисистов во главе с известным американским игроком, чемпионом Уимблдонского турнира в одиночном разряде (1947) Джеком Крамером. Маршрут гастролей труппы — Москва, Ленинград, Рига, Таллин и Тбилиси. Хорошо помню расклеенные по Москве крупные афиши, извещавшие об этом событии.

Справка

Состав труппы:

Эрл Бухгольц (США) — победитель юниорских чемпионатов Франции (1958) и Австралии (1959), член команды Кубка Дэвиса США (1959-60);

Барри Мак-Кей (США) — чемпион Италии в одиночном разряде (1960) и чемпион США в парном разряде (1958);

Курт Нильсен (Дания) — чемпион США на крытых кортах в одиночном (1957) и парном (1953) разрядах;

Тони Траберт (США) — победитель чемпионатов Франции (1954), США (1953, 1955) и Уимблдонского турнира (1955) в одиночном разряде;

Лью Хоад (Австралия) — победитель чемпионатов Австралии, Франции (1956) и Уимблдонских турниров (1956-57) в одиночном разряде.

Все указанные достижения теннисистов относятся ко времени, когда они еще были любителями. Подписав контракт с Крамером, они получили статус профи

Эта труппа была по сути слепком разъезжавших по миру в XIX-XX веках интернациональных цирковых трупп борцов «французского» (с 1934 г. классического) стиля. Теннисисты-профи, как некогда борцы, демонстрировали весь арсенал тактико-технических приемов и «бескомпромиссную борьбу». Получалось яркое зрелище, победы в котором одерживались по неизвестному зрителю «графику».

В Москве профессионалы выступали в июле на Малой спортивной Арене Лужников, и мне удалось побывать там. На первом

же осеннем занятии Синючков спросил, кто видел летом игру профессионалов. Оказалось, на Малой спортивной Арене из наших ребят был только я. После занятий он пригласил меня в «тренерскую» и попросил рассказать, кто из игроков мне понравился и почему. Я бодро — в надежде на похвалу — заявил, что мне больше всего понравился своей игрой у сетки рослый Мак-Кей. Дмитрий Иванович был явно огорчен моим ответом. Он покритиковался и с чувством произнес в адрес американца бранное слово на букву «г». Затем спокойно и обстоятельно объяснил мне, чем хорош каждый игрок труппы и где у каждого — слабое место. По совокупности характеристик первое место он отдал Хоаду, а моего фаворита поставил ниже всех. Этот урок мастера, это умение игру звезд «разложить по полочкам» пригодились мне при постижении глубин тенниса (которое, пишу об этом без всякого кокетства, продолжается и по сей день).

К моему сожалению, в начале 1962 г. Д.И.Синючков неожиданно исчез. Нашим тренером стала мастер спорта Евгения Ларина (в десятке — в 1955-1960, 2-е место — в 1958). Она внимательно относилась ко мне — давала советы, а иногда играла со мной один на один на половине корта. В мае 1962 она провела со мной такой серьезный разговор: «Куда собираешься поступать? С сентября я буду тренировать теннисную команду МГУ. Если еще не решил, иди в МГУ, мы продолжим занятия. Если понадобится, можешь рассказать об этом разговоре в Приемной комиссии. Я подтверждаю». Я был в восторге, так как уже склонялся к решению пойти на физический факультет МГУ. С наступлением июня мои занятия в Детском Городке закончились, а вместе с ними закончилось и мое детство.

Университетская теннисная секция

В Университет я сумел поступить, а вот Евгения Ларина, увы, не «задержалась» в моей теннисной биографии. В 1962 она вышла замуж за латышского любителя и пропагандиста тенниса полковника Бантле и навсегда уехала к нему в Латвию. На тот момент в Университете была очень сильная теннисная сборная (о чем Ларина не знала), и я в нее не попадал.

На место Лариной-Бантле пришла очень яркая персона — мастер спорта Клавдия Алексеевна Борисова (в первой десятке СССР — в 1947-1954, чемпион в паре — в 1954). С теми, кто не входил в сборную МГУ, она практически не занималась, лишь иногда бросала в их адрес какое-нибудь нестандартное замечание, правда, всегда по делу — например, однажды, проходя мимо меня и увидев, как я выполнил удачный удар, она остановилась, картинно обхватила голову руками и изобразила на лице восторг.

Клавдия Алексеевна почти каждый день привозила с собой на корты маленького сына Вадима (1955 г.р.) — его, видимо, не с кем было оставить дома. Это был грустный некапризный ребенок, которому нечего было делать на кортах. Не помню, чтобы она его чем-то кормила. Иногда он заглядывал в какую-то книжку, но чаще мать давала ему мяч и взрослую, явно тяжелую для него ракетку, и буквально гнала его к тренировочной стенке. Эта небольшая деревянная стенка находилась в 40 м от кортов, и потому сын постоянно находился под контролем матери. Я любил поработать у теннисной стенки и часто оказывался рядом с Вадимом, мне было его жалко, но мальчишка на контакт не шел. Он нещадно возил ракетку по асфальту, пытаясь выполнить что-то, отдаленно похожее на удар, причем «бил» всегда слева,

так как мог держать тяжелую ракетку только двумя руками. Намучившись, Вадим убежал на футбольное университетское поле с трибуной, которое располагалось неподалеку, между кортами и главным зданием Университета. Клавдия Алексеевна, не увидев сына у стенки, сразу же отправляла за ним кого-нибудь из своих подопечных.

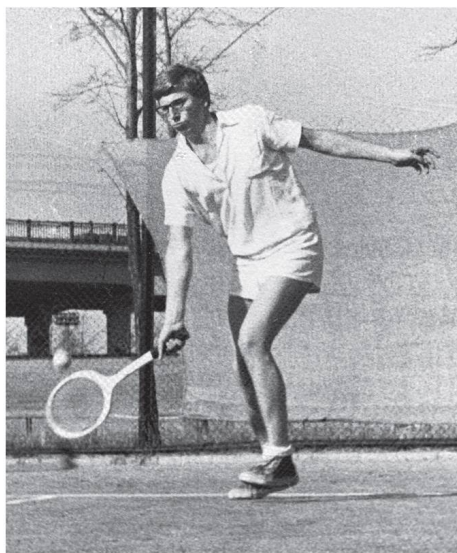
Позднее Вадим Борисов стал первопроходцем и лучшим исполнителем двуручного удара слева в СССР, 2-кратным чемпионом страны в паре — в 1981 и 1984, постоянным участником матчей сборной страны в кубке Дэвиса, а позднее — и капитаном команды.

Зимой Университетская теннисная секция базировалась на закрытом корте Трехзального спортивного корпуса Спортгородка МГУ. Но здесь тренировались и играли в основном теннисисты сборной Университета и преподаватели. Лишь однажды я подменил кого-то из университетских лидеров в товарищеском матче сборных: Университет — Педагогический институт.

Глава 4. Эпоха «Теннисный Городок»

На протяжении 10 лет — с середины 60-х до середины 70-х — почти все воскресенья и субботы я проводил в Теннисном Городке Лужников, в компании моих ровесников, таких же чокнутых фанатов тенниса — Евгения Блювштейна (выпускника мехмата МГУ) и Володи Картуна (не помню, какой Вуз он окончил). Мы по много часов проводили с кинокамерой (оператором был Володя) и ракетками у огромной по протяженности (метров 50) бетонной стенки: спорили, изучали фото и кинограммы — свои и профессионалов, экспериментировали с ударами, корректировали друг друга. Если корты освобождались, переходили на них и продолжали свои изыскания. Эти занятия мы называли семинарами — спасибо Д.И.Синючкову.

Посещение Теннисного Городка было, разумеется, платным — посетители арендовали площадку на определенное время или покупали билет к тренировочной стенке. То ли из экономии, то ли из озорства я билеты не покупал. Нашел место в ограждении Городка, которое не просматривалось из административного здания, перекидывал через забор спортивную сумку, а потом лихо, «на время» (норматив 5 секунд) перелезал через почти 4-метровый забор, благо

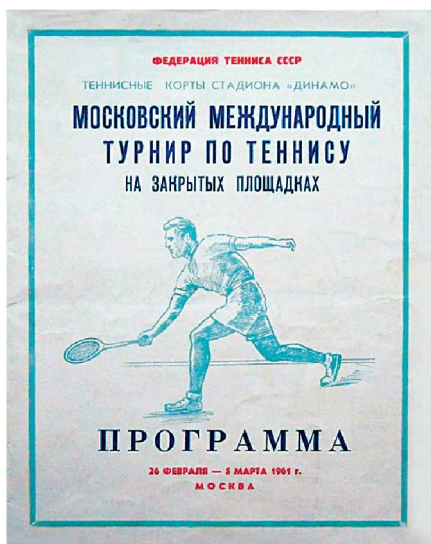
Как молоды мы были . . .

ячейка решетки ограждения была в аккурат по размеру ступни. Ни разу не попался. Наша компания проводила на кортах по 5-6 часов подряд, причем не помню случая, чтобы мы что-то ели, — принесенное из дома или купленное в буфете Городка.

Не терпится рассказать об одном своем теннисном хулиганстве, которое я совершил в соавторстве с Женей Блювштейном и которым до сих пор чуть-чуть горжусь. Однажды в воскресенье после многочасового семинара в Теннисном Городке Женя пригласил меня к себе домой — выпить кофе, поболтать о книгах (у этого математика по образованию была превосходная библиотека по античности и философии, он великолепно ориентировался в философских вопросах и даже владел древнегреческим) и, главное, поиграть в шахматы с часами. Мы вышли из вагона метро на станции «Кропоткинская» — Женя жил на Гоголевском бульваре в двухстах метрах от знаменитого Душкинского вестибюля этой станции. Середина просторной платформы была практически пуста. Мы переглянулись и, почти не сговариваясь, бросили сумки на пол, достали ракетки и всего один (!) мяч. Разошлись на 10-12 метров и стали обмениваться ударами с лета. Этот перформанс продолжался не менее 4 минут, причем мяч ни разу не коснулся пола и никуда не улетел (поверьте, это гораздо сложнее, чем прокатиться по платформе на самокате, как это делают сегодня молодые люди). Собралось несколько зрителей, они дивились нашему мастерству, а еще больше — наглости. А вот дежурная по станции жестко, без сантиментов пресекла безобразие, неприемлемое для образцового орденоносного учреждения. Но милицию не позвала, и на том спасибо.

В Теннисном Городке я принял участие в двух гандикапских турнирах с участием московских теннисистов-профессионалов.

В одном из них я обыграл номерного перворазрядника Андрея Соколова (по-моему, фора была 30:0). Он запомнился мне тем, что важно ходил по Городку в сопровождении очень красивой девушки (именно она его сопровождала). Во время игры со мной, после каждого своего хорошего удара он кричал: «Кусочек Англии!», а девушка восторженно аплодировала ему.

Программа зимнего международного турнира в Москве, 1961

британцем Роджером Тейлором (на тот момент — игроком первой мировой десятки) против французской пары Ренован-Вирон. Так вот Святославу Петровичу я оказал некоторое сопротивление. Он больше часа мучился со мной и, победив, совершенно искренне похвалил мою подачу (фора была, конечно, чудовищной — 40:0).

В турнире следующего года я встретился с известным теннисистом и заслуженным тренером РСФСР мастером спорта Святославом Мирзой (в 1956–62 гг. он в десятке сильнейших теннисистов СССР в одиночном разряде, шестикратный чемпион Москвы в разных разрядах). Его я впервые увидел и запомнил еще в 1961 г. во время Московского международного турнира, проходившего на закрытых площадках зала «Динамо». Он играл в паре со знаменитым

Глава 5. На службе государевой

После Университета — с 1968 по 1970 — я работал инженером в Институте Проблем Управления (ИПУ), где занимался нейромышечной регуляцией движений человека и животных. Вместе с сотрудником ИПУ Андреем Пионтковским я входил в сборную института по теннису, причем неплохо выступал в командном чемпионате институтов Академии Наук. На этих соревнованиях я попался на глаза тренеру Спортивного клуба Академии наук (СКАН) Петру Смирнову, и он пригласил меня в этот клуб. Но ...

В 1970 судьба занесла меня в закрытый НИИ, где я задержался ни много ни мало на 26 лет. Здесь я исследовал вопросы принятия решений в военной сфере. В научном плане все было довольно интересно, но «закрытость» учреждения по отношению к внешнему миру меня угнетала. Правда, у этой службы (кроме зарплаты) были спасительные для меня достоинства. Отгулы после частых суточных дежурств позволяли мне участвовать в соревнованиях на первенство Москвы, заниматься теннисом или хоккеем с сыном, возиться с дочкой. Очень важно было и то, что сотрудники учреждения официально, два раза в неделю по утрам занимались каким-нибудь видом спорта. Эти чудесные часы назывались «часами физкультуры». В частности, НИИ арендовал летом 2-3 корта на стадионе «Шахтер».

Именно на летних кортах «Шахтера» среди научных сотрудников-любителей тенниса я нашел друзей на всю жизнь — Евгения Неплюева и Николая Федулова. О них я подробно рассказываю в Главе 15.

Зимних кортов НИИ не арендовал, но мне посчастливилось играть в теннис и зимой. Вот как это получалось. На стадионе

«Связист», что совсем рядом с Сокольниками, к Олимпиаде-80 построили зал для тренировок гандболистов-олимпийцев, в котором размещались три удобных корта с синтетическим покрытием. Предприимчивый сотрудник нашего НИИ и любитель тенниса Андрей наладил хитроумный бартер: его тетя, работавшая на высокой должности в крупном московском театре, каким-то образом передавала директору стадиона для освещения кортов дорогие и дефицитные театральные прожекторы (возможно, списанные) в обмен на это группа Андрея, куда я имел честь входить, два раза в неделю в часы физкультуры играла в теннис.

Так что все годы работы в НИИ теннис — правдами и неправдами — был в моей жизни и зимой, и летом.

Глава 6. Теннисный клуб «Лихоборы»

В 1975 эпоха моей жизни под названием «Теннисный Городок» завершилась. Я женился, переехал на Большую Академическую улицу и сразу же вступил в близлежащий теннисный клуб «Лихоборы» (три асфальтовых корта плюс небольшая бытовка). По московским меркам три корта — неплохо, но именно этот жесткий асфальт незаметно сгубил мои суставы.

Атмосфера на кортах была очень доброжелательная, члены клуба могли играть со своими детьми, женами (мужьями), разрешалось приводить гостей. Регулярно проводились внутренние турниры, в которых могли участвовать и гости клуба. Душевный парень Стас Соколов, председатель клуба, запомнился мне не своей игрой на корте, а тем, что частенько сидел на электростолбах и занимался электропроводкой на корты и в клубную бытовку. Но с освещением кортов так ничего и не получилось.

Очень яркая и популярная фигура в клубе — сильный перво-разрядник и слесарь самой высокой квалификации Михаил Палькин (да-да, теннисисты-слесари — не такая уж редкость в стране больших возможностей). Его одноручный слайс был настолько отточенным, что члены клуба уважительно называли его «хлебо-резкой». Своими руками Михаил сделал механический станок для натяжки струн, и весь клуб по этому поводу обращался к нему (за работу он брал немного). Через несколько лет он купил электронный станок для натяжки ракеток, а механический подарил мне. К тому времени я, как и большинство московских теннисистов, переключился на более совершенную электронную натяжку и подарил Мишин станок своему коллеге по институту (сын не проявил к этому виду теннисной деятельности никакого интереса).

Еще одно достижение маэстро Михаила — изготовление ракеток Oversize из очень популярного в те годы польского металлического «Полонеза» (об этом — в Главе 11). Когда я приезжал к Михаилу натянуть ракетку, он ставил на проигрыватель диск Александра Дольского. Именно благодаря слесарю Палькину я открыл для себя и полюбил этого большого музыканта.

В эти же годы я окончил курсы инструкторов по специализации «Теннис» в Институте физкультуры, регулярно заглядывал в офис американского журнала Tennis (он выходил на английском языке) и по дешевке покупал у кладовщика не попавшие в подписку экземпляры. И учеба на кафедре тенниса, и методические материалы журнала сформировали мой методический арсенал и очень помогли в работе с сыном Вадимом и в последующей теннисной жизни.

Глава 7. Теннис: я и мой сын

Мой сын Вадим родился в 1976. Когда ему исполнилось 6–7 лет, я стал возить его в клуб «Лихоборы». Близость клуба к дому и возможность почти 15 лет — с начала 80-х до середины 90-х — бесплатно заниматься с сыном на клубных кортах были бесценны. На Лихоборских кортах Вадим сделал свои первые шаги на корте, многому научился, провел свои первые матчи. Здесь теннис вошел в его жизнь.

Но все это далось мне с огромным трудом. На корте Вадим все время капризничал, ни в какую не хотел собирать мячи, которые после его ударов так и норовили улететь через ограждение на загрязненную собаками лесопарковую полосу. Но этого мало: после тен-

Вадим (фото из его фонотеки)

ниса мы мирно и спокойно добирались до дома, а в дверь квартиры он входил со слезами (наверно, ему следовало после школы поступать в театральное учебное заведение). Слезы действовали на тещу и жену как пусковой механизм — жена мгновенно начинала пилить меня, а теща (кстати — заслуженный воспитатель РФСР!) демонстративно подскакивала ко мне со сжатыми кулачками, готовая постоять за внука. Когда я занимался с сыном хоккеем или гитарой, наблюдалась такая же картина.

Вот еще один, немного грустный эпизод моего совместного с сыном тенниса. Два лета 1987–1988 я снимал для своей семьи

дачу в известном дачном поселке «Отдых». Там же в собственном загородном доме проводил летние месяцы мой сокурсник — Леонид Безруков с женой Людмилой и сыном Федором — ровесником Вадима. Я всегда пытался придумать для Вадима что-нибудь интересное, и затея подружить его с Федором, очень занятым нестандартным мальчишкой, казалось мне привлекательной. Мы несколько раз приезжали к Безруковым в гости. Но Федор и Вадим не находили общего языка. Однажды оба Безруковых и я с сыном на велосипедах поехали в город Жуковский, на корты. Стали играть вчетвером, но ничего не получалось — Леонид и его сын практически не умели играть, а Вадим уже считал себя игроком (!). Кончилось дело тем, что Вадим сильным ударом (думаю, случайно, так как для намеренного попадания в мишень ему не хватило бы умения) угодил Федору в грудь. Тот заплакал, Вадим извинился, игру прекратили и разъехались по домам. Подружить сыновей не получилось, и в гости к Безруковым мы больше не ездили. С Федором все, к счастью, обошлось.

Справка

Сегодня выпускник Физического факультета МГУ Федор Безруков — один из мировых лидеров теоретической физики, лауреат нескольких международных престижных премий, живет и работает в Люцерне и Манчестере

По мере ухудшения отношений с женой моя связь с Вадимом ослабевала. Возможно, виной тому была моя излишняя требовательность к нему в работе на корте или в освоении гитары. Меня оправдывало то, что и для тенниса, и для гитары у него были прекрасные данные. Когда моя дочь Аня перешла в 8-й класс школы,

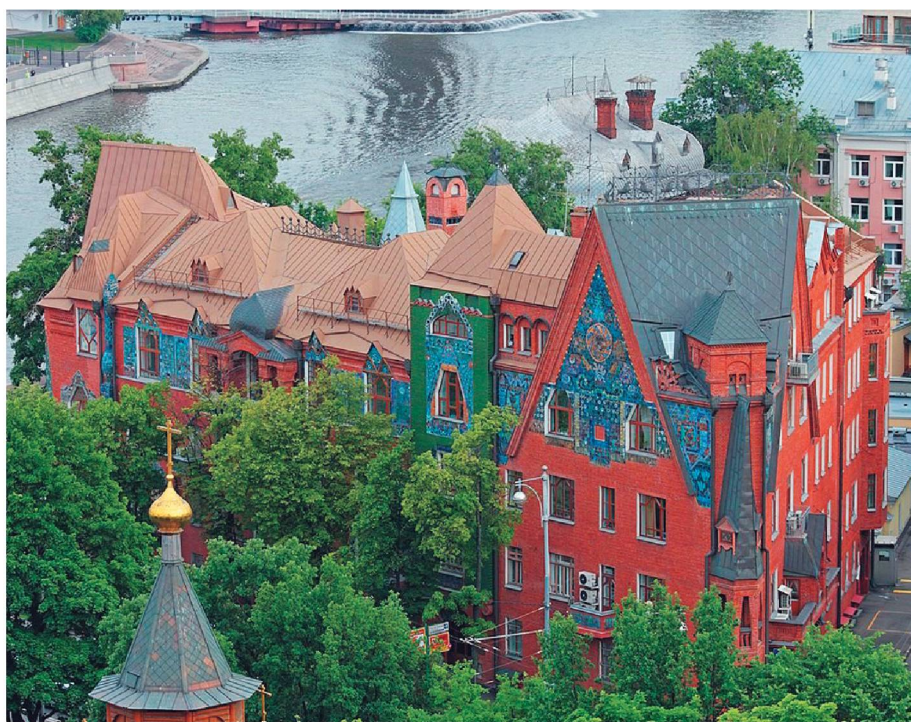
я развелся и вернулся в дом родителей. Мое общение с детьми почти прекратилось. Если допустить, что я «перегибал палку» в занятиях с Вадимом, то почему он не бросил теннис после моего отъезда (с гитарой именно так и случилось)? Он продолжал заниматься теннисом, участвовал в официальных московских соревнованиях, «записался» в Гидромелиоративный институт (благо, тот находится недалеко от дома), где учиться ему было нелегко. Мне с трудом удалось перевести его в Институт физкультуры на кафедру тенниса, к Семену Павловичу Белиц-Гейману, — сын «великодушно» позволил мне это сделать. Он окончил учебу, и теперь теннис — его профессия, но стал ли теннис делом его жизни, я не знаю.

Во вступлении к этим заметкам я назвал тех, кому они адресованы. Но есть еще один, правда, эфемерный адресат (не упомянул его тогда, так как не хотелось начинать записки с грустного). Я сохраняю слабую надежду, что через много лет их прочтет дочь Вадима, Полина, которую я никогда не видел и даже фотографии которой у меня нет ... Случится это, если заметки попадут ей в руки в обход моего непримиримого оппонента — ее отца.

То, что теннис не помог мне сохранить хотя бы тонкую ниточку отношений с сыном, — главное поражение в моей теннисной (да и не только теннисной) жизни ...

Глава 8. Теннисная секция Центрального Дома ученых

В середине 90-х я распрощался с закрытым НИИ и вернулся в открытый мир — занялся теннисным репетиторством, а через год стал редактором последовательно в нескольких журналах. От своих друзей-теннисистов я много слышал о чудесных грунтовых кортах в Курсовом переулке в центре Москвы, на которых базировалась теннисная секция Центрального Дома ученых (ЦДУ) АН.

«Дом с химерами» в Курсовом переулке рядом с кортами

Справка

С 1922 ЦДУ размещается на Пречистенке в старинном доме-усадебке с прилежащим садом (неподалеку от Курсового переулка). Директором его с 1931 по 1948 была актриса МХАТ, знаменитая революционерка и друг Горького Мария Федоровна Андреева, при которой и началось создание теннисной секции ЦДУ в 1947

Играть на кортах в Курсовом переулке могли только члены ЦДУ, их родственники и приглашаемые гости клуба. Поэтому, чтобы стать законным членом теннисной секции, пришлось сначала поступить в ЦДУ. Хотя в научной среде членство в ЦДУ всегда было очень престижно, я вступил в эту организацию только ради тенниса. Для поступления в ЦДУ соискателю требовалось выполнить ряд непростых условий: ученая степень и работа в системе РАН, две рекомендации членов ЦДУ, а также заслуги перед ЦДУ — чтение лекций в его стенах на научные темы или по тематике секций ЦДУ. Мне повезло — у Андрея Пионтковского, моего старинного товарища по теннисной сборной Института Проблем Управления, было право факсимильной подписи академика Евгения Велихова. Этой высокой подписи, а также моей ученой степени оказалось вполне достаточно для поступления в ЦДУ (так что я счастливо избежал принудительного чтения лекций). Сразу же записался в теннисную секцию, а правильней говорить — в теннисный клуб ЦДУ РАН.

Корты теннисного клуба ЦДУ (их было сначала шесть, а в 2000-е стало семь) строились с 1947 по 1952 в Курсовом переулке, на месте пустыря с большой воронкой от немецкой бомбы, рядом с известным «Домом с химерами» и восстановленным позднее Храмом Христа Спасителя. В корты вложили личный труд и личные средства несколько поколений московских ученых.

Клуб ЦДУ — по инфраструктуре, традициям, составу членов — был, конечно, клубом очень высокого уровня. Его членами в разные годы были: лауреат Нобелевской премии по физике Черенков П.А., несколько директоров и заместителей директоров институтов РАН, лауреаты научных международных премий и почетные доктора иностранных университетов, около двадцати академиков и десятки докторов наук, а для экзотики — бывший посол СССР в Великобритании, бывший министр высшего образования СССР и 14-й чемпион мира по шахматам Владимир Крамник.

Совершенно необычным и исключительно ценным в клубе было то, что в нем собрались люди примерно одного интеллектуального уровня и что научные степени, звания и должности членов клуба ни в коей мере не разделяли людей — все были равны и в раздевалке, и на корте. Любой из членов клуба мог запросто подойти к академику, разминаящемуся у стенки, и предложить ему «сгонять партию». Однажды — без малейшего опасения получить унижительный по форме отказ — я предложил очень сильному перворазряднику и в прошлом чемпиону Москвы по теннису, академику и директору Центрального экономического института РАН Валерию Леонидовичу Макарову, славившемуся жестким характером, сыграть со мной пару в предстоявшем парном турнире клуба. Он без какого-либо

*Корты РАН в Курсовом переулке.
На заднем плане —
купол Храма Христа Спасителя*

высокомерия согласился и сразу дал мне свой рабочий телефон для связи. И мы неплохо сыграли тогда.

Другой памятный факт. Как-то я случайно оказался на корте с симпатичным человеком моих лет по имени Саша. В перекидке я сразу же заметил, что он совершенно не включает в удар плечевой пояс и туловище, и без церемоний сказал Саше об этом. Он опешил на пару секунд, а потом с чувством неподдельного удивления и досады воскликнул: «Как же так? Я — борец-классик — сам не догадался использовать туловище в теннисе, как на ковре! Спасибо тебе». Мы перенесли нашу тренировку к клубной тренировочной стенке и стали выполнять одиночные удары с акцентированным включением плеч в удар. И Саша «на глазах» усилил свой форхэнд! Только много позже я случайно узнал, что мой скромный партнер Саша — Александр Николаевич Прокунин, мировой лидер теоретической и экспериментальной механики из Института Механики РАН и в прошлом мастер спорта по классической борьбе.

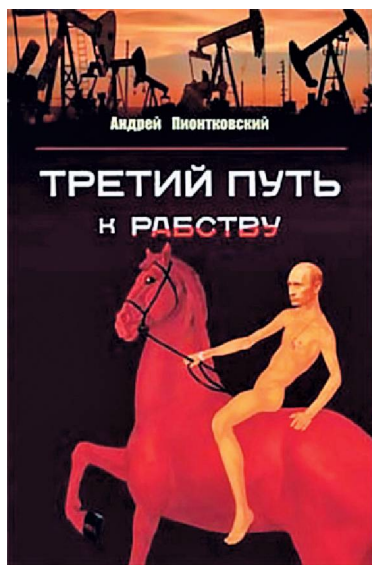
Хочу рассказать еще о двух членах клуба, сильных теннисистах и превосходных хирургах из Института им.Гельмгольца — Екатерине Ченцовой и Георгии Петриашвили. Они «обеспечивали» все наше небольшое теннисное сообщество срочной и высококвалифицированной медпомощью по заболеваниям глаз. Так, Екатерина Ченцова — лучшая теннисистка клуба, доктор медицинских наук, заведующая отделением Института, совсем недавно (уже после гибели клуба) заменила мне хрусталик.

А теперь — о Георгии. Однажды на корте одному из наших клубных игроков мячом разбили очки, и стекло попало в глаз. Георгий быстро усадил беднягу в свою машину и помчался в институт, где по его звонку уже готовили операционную. Операция,

конечно, прошла успешно. Искусство Георгия как хирурга пригдилось и мне. Как-то на своем садовом участке я переброеил с места на место 15-килограммовый мешок с черноземом, и в левом глазу через минуту появилась черная сетка (что-то случилось со стекловидным телом) — ох, как же мешал этот проклятуый садовый участок моей теннисной жизни! Я тотчас бросился к Георгию в институт им.Гельмгольца. После 10 виртуозно выполненных им уколов непосредственно в глаз сетка ушла.

С начала 2000-х Георгий Петриаевили председательствовал в нашем клубе. Кроме внутренних вопросов, он успешно отражал все внешние посягательства на наши корты. Но в 2008 в связи с событиями в Осетии Георгий навсегда уехал в Грузию. К великому сожалению — моему и многих членов клуба.

С членом клуба Андреем Андреевичем Пионтковским мы

*Обложка одной из книг
Андрея Пионтковского*

провели на Курсовом много матчей, и в память о нашей давней теннисной дружбе знаменитый политолог в 2012 подарил мне одну из своих замечательных книг — «Третий путь к рабству».

Годы пребывания в клубе — тренировки, соревнования, общение со многими российскими учеными, чаепития и игра в шахматы с часами под раскидистым старым тополем (традиционный московский мотив) — были, пожалуй, самыми счастливыми в моей теннисной жизни. А звон колоколов главного храма России

придавал пребыванию на кортах какую-то торжественную, внеземную окраску.

До середины 90-х расположение кортов клуба в центре столицы ни у кого не вызывало желания «отжать» в свою пользу эту «золотую» землю. Но в новой России начались непрерывные атаки на клуб со стороны акул бизнеса. Многолетняя борьба клуба (в 2000-е я входил в его руководство) за свое существование — письма во все инстанции и несколько судебных процессов — закончилась нашим полным поражением. В 2013 «невозвратно-чудный» клуб на Курсовом был разрушен: кусок земли (0,4 га) вместе с кортами и строениями из системы РАН бандитским образом перешел (!?) в частное владение. Результаты этого отчуждения федеральной собственности оказались сколь бездарными, столь и издевательскими — уже семь лет на месте чуть ли не лучших кортов столицы находится, как и в 1947, огороженный пустырь.

Когда я проезжаю по Пречистенской набережной или говорю по телефону с давними друзьями по клубу ЦДУ — как здоровье? еще играешь? а помнишь, как мы играли в полуфинале ...? — на глазах наворачиваются слезы.

Гибель клуба в Курсовом переулке — второе горькое поражение в моей теннисной жизни ...

Глава 9. Памятные для меня события, ситуации, факты, связанные с теннисом

Открытие бассейна на Кропоткинской набережной

Одним из самых ярких событий моих трех лет занятий теннисом в Детской секции стало участие в заплыве детей — членов разных секций Лужниковского стадиона на торжественном открытии 16 июля 1960 г. бассейна на Кропоткинской набережной. Это был самый большой в СССР бассейн под открытым небом.

Бассейн на Кропоткинской набережной

Полуфинал II Спартакиады народов СССР в парном разряде, 1959 г. Москва, Теннисный Городок Лужников

Этот матч запомнился тем, что Виктор Анисимов, игравший в паре с Рудольфом Сивохиным (оба мастера спорта из Ростова на Дону), вышел на корт совершенно изможденным — за полчаса до этого он завершил 4-часовой одиночный матч под палящим солнцем. Многократные чемпионы СССР в паре С.Андреев / Н.Озеров легко выиграли у ростовчан, так как Анисимов плохо передвигался по корту. Запомнилось, как он при малейшей паузе в игре ставил ракетку торцом ручки на грунт и садился на обод, спиной к солнцу, получая несколько секунд отдыха. Этот прием не раз выручал меня в ходе матчей — таким образом удавалось получать нештатные кратковременные передышки от болей в тазобедренных суставах.

Скамейка, которая всегда со мной

Первый урок игры на гитаре

Тяга к гитаре появилась у меня в университетские годы, что неудивительно, так как звезды факультетской агитбригады, будущие знаменитые барды — Сергей Никитин и Сергей Смирнов

были моими сокурсниками. Но первый урок игры на гитаре дали мне не они, а другой мой сокурсник Боря Батюня — отличный теннисист, член Университетской теннисной команды и очень скромный человек.

Весной 2018 на юбилейной встрече курса мы обнялись и вспомнили немного наивные подробности этого моего первого знакомства с основами игры на гитаре.

В мае или июне 1963, после теннисной тренировки в спортгородке Боря предложил показать мне основные приемы игры на гитаре и несколько аккордов, и мы отправились в его блок в студенческом общежитии в зоне «В» главного здания МГУ. Он показал, как правильно «ставить» руки на грифе и на корпусе гитары и как получаются три классических аккорда цыганочки (у Бориса, в отличие от обоих Сергеев, была шестиструнная гитара). Гитара многократно переходила от Бори ко мне и обратно, и я всякий раз старался воспроизвести правильную постановку рук и тот или иной из показанных мне аккордов ... Потом Боря зарисовал эти аккорды на листе бумаги и отдал его мне. Через несколько дней я купил свою первую шестиструнку.

Борис рассказал, что до сих пор часто играет на гитаре и регулярно участвует в разных теннисных турнирах в своей чудесной Дубне. А я приятно удивил его, сказав, что прекрасно помню его роскошный драйв справа, пожалуй, лучший в Университетской секции, и подарил ему один их двух сотен подготовленных мною к юбилею DVD-дисков со всеми песнями нашего курса.

Матч Кубка Дэвиса СССР — Чили 1963 г. 31 мая-2 июня. Москва, Малая Спортивная Арена Лужников

Примерно за час до начала матча с чилийцами я вошел на стадион через его главные ворота и подходил к Малой Спортивной Арене. Мне не терпелось увидеть последние приготовления к матчу, погрузиться в атмосферу турнира. Слева, со стороны метромоста и Теннисного городка к служебному входу Арены подкатил горбатый «Запорожец». Автомобилям по территории стадиона в те годы ездить запрещалось, и я заинтересовался этим нештатным явлением. И не зря. Остановившаяся машина была битком набита людьми. Что это? Калька модного тогда на Западе соревнования «Сколько людей можно втиснуть в телефонную будку»? Из горбатой малютки советского автопрома стали выдавливаются-вываливаться люди, восемь человек, по моим оценкам. Почти у всех в руках охапки ракеток и сумки больших размеров. Да это же советская сборная по теннису! Приехавшие стали понемногу исчезать в дверях Спортивной Арены, но я успел увидеть главных действующих лиц. Оказывается, после разминочной тренировки в Теннисном Городке (где базировалась сборная) на место встречи с чилийцами прибыли: Томас Лейус, Михаил Мозер, Сергей Лихачев и капитан-тренер команды Сергей Сергеевич Андреев (6-кратный чемпион СССР в одиночном разряде). По-видимому, Сергей Андреев и был за рулем «Запорожца» — спустя много лет я случайно узнал, что в те годы он был владельцем автомобиля именно этой модели. Вот такие были демократичные времена, господа, такая социальная гармония. Трудно поверить.

В Москву — за шубой

На Малой спортивной Арене Лужников в ходе московского летнего международного турнира в 1965 мне довелось воочию увидеть игру 24-кратной победительницы турниров Большого Шлема в одиночном женском разряде — великой австралийки Маргарет Корт.

Она приехала в Москву ... за собольей шубой, которую Федерация тенниса СССР обязалась подарить ей (разумеется, неофициально) вне зависимости от результата выступления теннисистки в Москве. Маргарет играла очень просто и очень эффективно. Она легко выиграла турнир во всех трех разрядах и получила обещанное, но мы, зрители, не увидели, как сидит роскошная шуба на стройной Маргарет — московский турнир по статусу был еще любительским, и поэтому о таких дорогостоящих призах «не могло быть и речи».

Матч Кубка Дэвиса СССР — Франция 1973, 20-22 июля. Москва, Теннисный Городок Лужников

До сих пор с теплотой вспоминаю Теннисный Городок — его качественные корты, две тренировочные стенки и, конечно же, его великолепный Центральный корт, на котором познакомился с теннисом. Так же тепло к нему относилось и начальство Теннисного Городка — в аренду он не сдавался, и за ним тщательно ухаживали. Но однажды мне в одиночку удалось на нем вдоволь поработать над подачей. Разумеется, в тайне от администрации.

Именно на этом корте в июле 1973 проходил Матч Кубка Дэвиса СССР — Франция. В составе французской команды приехал

известный профессионал, специалист парной игры, 32-летний Пьер Бартез. Это были первые годы Открытой эры*, и москвичи после 35-летнего перерыва (когда в 1936-1938 в СССР гостил великий Анри Коше) снова увидели в официальном матче «живого» профессионала. Бартез был, конечно, украшением матча, но ожидаемого ошеломляющего впечатления на публику и на меня не произвел. Впрочем, свое дело в парной встрече он сделал: французская пара уверенно победила довольно сильную советскую пару (А.Метревели / С.Лихачев — П.Бартез / Ф.Жоффре — 4:6, 5:7, 9:11).

Перед решающей встречей последнего воскресного дня (при командном счете 2:2) прошел сильнейший затяжной дождь (невольно вспомнился тогда ливень из Хуциевского «Июльского дождя»). Центральный корт Теннисного Городка — все-таки Лужники исторически это большая лужа — покрыло тонким слоем воды. Создалась реальная угроза переноса окончания матча на следующий день (с массой неудобных последствий для всех — и игроков, и организаторов, и зрителей). Шло время, лужи почти исчезли, но грунт оставался совершенно непригодным для игры. Зрители на давно высохших скамьях приуныли. На корт вышли двое рабочих, быстро сняли и унесли сетку. Очень недвусмысленно. Никаких объявлений по радио. Неужели матч переносится на понедельник? Прошло еще около получаса, и на площадке появились четверо людей в комбинезонах и резиновых сапогах с 20-литровыми канистрами. Они деловито разлили

* Начиная с 1920-х, профессиональные теннисисты зарабатывали деньги, выступая в показательных матчах перед публикой. Ведущие теннисисты-любители скрытно получали деньги за выступления от спонсоров, появился даже термин «поддельные любители». В 1968 в теннисе началась Открытая эра - все профессионалы получили право выступать в любых турнирах и тем самым зарабатывать себе на жизнь в официальных соревнованиях

бензин ровным слоем по всей площадке, затем аккуратно подожгли его и исчезли. А корт на глазах у приободлившейся публики ... вспыхнул веселым пламенем. Решающая встреча началась через 40 минут, и Александр Метревели принес советской команде победное очко (А.Метревели — Ф.Жоффре — 6:1, 6:3, 4:6, 4:6, 6:4).

Знакомство, не получившее развития

В середине 70-х, во время одного из летних международных турниров на трибуне Малой Спортивной Арены, на ряд ниже меня сидели старший лейтенант и капитан. Они вели себя вызывающе: вскакивали с места, кричали, когда теннисист, против которого они болели, подавал, и шумно аплодировали, когда тот попадал в сетку или в аут. Сегодня так «болеют» чокнутые из Хорватии или Румынии, и это очень неприятно, ну а в те годы такое поведение на теннисе было дикостью.

Один из зрителей в моем ряду не вытерпел и попытался вежливо их урезонить: «Господа, вы грубо нарушаете правила поведения зрителей на теннисе» и т.п. Старший лейтенант и капитан «перенесли огонь» эмоций на этого смельчака. Когда дело дошло до оскорблений, мне пришлось вмешаться: «Господа младшие офицеры, вы позорите погоны. Почему вы не на службе в рабочее время?». Последний аргумент возымел действие, они притихли и через 10 минут ушли.

Я пересел к смельчаку — это был Анатолий Адоскин, известный артист театра и кино. Он поблагодарил меня за поддержку, и мы долго смотрели теннис вместе. Анатолий оказался очень приятным человеком, большим фанатом и знатоком тенниса. Про-

щаяся, он назвал свой внутренний телефон на служебном входе театра, чтоб я мог при желании получить контрамарку на любой его спектакль. Но этой возможностью я так ни разу и не воспользовался. Анатолий, конечно, очень хороший актер, но уровень большинства театральных постановок конца прошлого века мне казался не выше студенческих дипломных спектаклей в театральных В'узах (ну а то, чем славятся нынешние режиссеры, я и вовсе не могу называть театром).

И смешно, и грустно . . .

Не могу не рассказать о своем талантливом товарище — очень сильном перворяднике, который в 70-80-е постоянно входил в первую полусотню Москвы и с которым у меня сложились многолетние теплые отношения (однажды я даже выиграл у него — наверно, он был «не в форме»). Обстоятельства нашего знакомства я всегда вспоминаю с улыбкой, но рассказ о них требует некоторой конспирации. Поэтому назову своего товарища Михой.

Августовским вечером 1973 я играл одиночку на «Шахтере». По телевизору шла премьера «17 мгновений весны», и свободных кортов вокруг было на редкость много. Ко мне подошел заметно подвыпивший парень моего возраста в кроссовках, длинных шортах и рубашке Polo. Он назвал себя, сказал, что он — хороший игрок и что на улице увидел очень красивую девушку с ракеткой и увязался за ней. Они приехали на «Шахтер», где девушка собиралась поиграть с подругой. Миха рвался преподать ей на корте классный урок. На его счастье, подруга на стадион не приехала, и девушка решила принять предложение. Но Михе для урока требовалась ракетка, «на полчаса», как он мне сказал. Не за-

думываясь, я дал моему новому знакомому свою «запаску», и целый час краем глаза наблюдал, как он «охмурял» красавицу на соседней площадке. Надо отметить, что «набрасывал мячи» Миха очень профессионально, а девушка охала от восторга и чувствовала себя настоящей теннисной звездой.

Спасительный дождь

В старейшем московском теннисном клубе «Красная стрела» в Бабушкине, куда меня пригласили в сентябре 1976, я стал свидетелем весьма курьезного события. На кортах появился явно пьяный человек примерно моего возраста с теннисной сумкой. Это был один из лидеров клуба, сильный перворазрядник, которого — опять же из конспирации — буду называть Валерой. Он заявил, что с минуты на минуту к нему приедет соперник — играть матч на первенство Москвы. Присутствовавшие советовали Валере отказаться от встречи, но он решил играть. Ему предоставили корт. Соперник приехал вовремя и вчистую выиграл у Валеры первый сет — 6:0. И тут начался довольно холодный ливень. Все игроки сбежались под навес. Какой-то клубный ветеран, хорошо знавший Валеру, увлек бедолагу в уголок и стал что-то жестко выговаривать ему. Обескураженный полученной «баранкой», Валера покорно выслушал наставления, разулся, снял шорты и тенниску и в плавках, босиком вышел под холодный дождь. Только когда ливень закончился, промокший до костей Валера засунул свои сухие вещи и ракетку в сумку и поспешил в раздевалку. Через 40 минут корт подсох, и протрезвевший злой Валера деловито разнес гостя — 6:1 и 6:0.

Критически мыслящий читатель скажет, что достаточно было просто отвести Валеру в душевую и устроить ему прохладный

душ. Но это стало бы грубой ошибкой. Прохладный душ и прохладный дождь — совершенно разные в физиологическом плане вещи (хотя бы потому, что прохладный душ — очень деликатная процедура, требующая привыкания и тонкой дозировки). Что же касается теплого или горячего душа, то, согласно почти вековому опыту соревновательного тенниса, такой душ — до или в перерыве матча — резко снижает шансы игрока на победу. Обо всем этом опытный ветеран клуба, конечно, знал.

Получается, что перед теннисным матчем можно выпить? Если невтерпеж, то можно ... но где гарантии, что пойдет прохладный спасительный дождь?

Конфуз на кортах ЦДСА

Я всегда с каким-то особым чувством играл на грунтовых кортах ЦДСА в уютном Екатерининском парке. Причина, конечно, в том, что на них в 1936-1938 работала легендарная «Школа Коше». В рамках этой школы под руководством великого француза Анри Коше проводились тренировочные сборы с лучшими теннисистами и тренерами СССР, а также устраивались сверхпопулярные матчи Коше с сильнейшими игроками страны. Эти девять чудесных кортов без существенных изменений дожили до наших дней. Но летом 2020 их работу прекратили, и, по-видимому, на этом памятном месте появится что-то другое — таковы, увы, «требования времени».

Справка

Анри Коше — победитель турниров Большого шлема в одиночном разряде: Уимблдон (1927, 1929), Ролан Гаррос (1926, 1928,

1930, 1932), чемпионат США (1928); победы в Кубке Дэвиса (1927, 1928, 1929, 1930, 1931, 1932); победитель (вне конкурса) чемпионата СССР 1937 г., в ходе которого Коше не проиграл ни одного сета. За два с лишним года в СССР Коше сыграл около 30 матчей и проиграл всего один матч — в Ленинграде.

Среди соперников Коше на кортах ЦДКА был и мой тренер Д.И.Синючков — матч 1938 г.: А.Коше/А.Вельц — Н.Джаксон/Д.Синючков — 6:1, 5:7, 6:0 (Августин Вельц и Николай Джаксон — это крепкие советские теннисисты)

Однажды в 80-е моему уважительному отношению к кортам ЦДСА был нанесен чувствительный эмоциональный удар. Перед выходом на корт для следующего матча на первенство Москвы я решил заглянуть в тамошний туалет (он, как и сегодня, совмещен с раздевалкой). С ракеткой подмышкой вошел в раздевалку и застыл, аки библейский соляной столб: два полуголых субъекта мужского пола занимались сексом! Увидеть такое в 80-е было, конечно, отталкивающей неожиданностью. Придя в себя, я выскочил наружу и отправился на корт. Сосредоточиться на игре, конечно, уже не смог и проиграл. Потом товарищи-теннисисты объяснили мне, что в те годы этот туалет был самым популярным местом встреч нетрадиционно ориентированных персон.

На этом корте играл Анри Коше

В наши дни люди такого типа воспринимаются общественностью как нечто привычное, и, уж конечно, они не прячутся по туалетам. Но до сих пор, приезжая на корты Екатерининского парка, я с опаской вхожу в раздевалку.

Теннис с шурпой в придачу

Первый московский теннисный клуб был создан на Петровке 26 в 1900. В 1901 клуб провел первое первенство Москвы. В 1926 здесь разместился центральный филиал общества «Динамо». Мне не раз доводилось играть на тогда еще грунтовых кортах, но запомнились они мне не как преемники московских традиций, а как носители одной неприятной особенности (не дай бог, сохранившейся до сих пор).

Два корта, наиболее удаленные от Петровки, примыкали к высокой стене, которая была тыльной стороной знаменитого советского ресторана «Узбекистан». В жаркие летние дни каким-то непостижимым образом на эти корты из ресторанной кухни пробирался густой и терпкий запах шурпы (узбекский суп), что очень отвлекало от игры. Теннисисты-арендаторы с хорошим обонянием называли эти площадки «кортами с шурпой в придачу».

Немое окно в мировой теннис

До 1984 я узнавал о новостях мирового тенниса практически только из газеты английских коммунистов Morning Star, которую можно было купить в московских киосках Союзпечати. Газета была скучная, но ее спортивная колонка содержала

довольно много материалов о самых крупных теннисных турнирах и прежде всего — об Уимблдоне. И вот в 1984 знаменитая Анна Дмитриева, используя свой спортивный авторитет и покровительство Анатолия Громыко (сына министра иностранных дел), сумела убедить начальников Гостелерадио СССР в важности приобретения прав на трансляцию Уимблдонского турнира.

Справка

Анна Владимировна Дмитриева — 18-кратная чемпионка СССР в одиночном, парном и смешанном разрядах, змс, создатель спортивного телевидения в стране, лауреат премии «Золотой микрофон» в номинации «Лучший спортивный комментатор»

И вот свершилось — можно смотреть мировой теннис вживую! Сначала пустили без звука весь Уимблдон по четвертому, учебному каналу — благо летом канал нечем было заполнить. Это было волшебное, пусть и немое окно в мир: любители тенниса звонили друг другу и сообщали эту радостную новость, захлеб делились новыми необычными впечатлениями. Так продолжалось два года — 1984 и 1985.

В 1985 к этим трансляциям добавились обзорные сюжеты Уимблдона и Ролан Гаррос по 1-му каналу — Уимблдон «давали» вечером по 40-45 минут, а Ролан Гаррос включали как приманку в перерывах между политическими дебатами. Кстати, все трансляции Уимблдона обошлись советской казне всего в 10 тысяч долларов!

Ширяево поле

Андрей Чесноков — легенда Ширяевки

Люблю наведываться на «Ширяево поле» — знаменитую спартаковскую базу на окраине Сокольнического парка. Около 20 грунтовых кортов окружают центральную часть базы: скромное одноэтажное административное здание с раздевалкой и небольшую покрытую травой площадь в тени лип со скамейками и теннисным «теремком» — игрушечным домиком, где Сергей Касарин (официальный стрингер Кубка Кремля) под пенье птиц качественно и недорого перетягивает ракетки на электронном станке. По базе можно беспрепятственно прогуляться вдоль ограждения кортов, чтобы посмотреть, как играют будущие отечественные, а возможно, и мировые теннисные звезды, и насладиться чудесным звуком качественных ударов ракетки по мячу.

Как-то в 2004 я случайно стал свидетелем занятого матча на центральном корте Ширяевки — знаменитый Андрей Чесноков играл «на интерес» с каким-то молодым спартаковским мастером спорта.

Справка

Андрей Эдуардович Чесноков — воспитанник и легенда Ширяевки, победитель двух турниров серии Мастерс, входил в мировую десятку в 1991, член советской команды в Кубке Дэвиса, победитель Микаэля Штиха в легендарном матче с немцами в 1995 (Андрей отыграл 9 матчболов), змс России

Чесноков, давно закончивший карьеру и дававший сопернику фору, матч проиграл и вынужден был «оплатить» штраф — 15 прыжков «кенгуру» подряд. Меня поразила феноменальная

легкость, с какой Андрей выполнял прыжки: он подпрыгивал необычно высоко, а контакт кроссовок с землей только «угадывался», будто это был не человек, а прыгучий теннисный мяч из натурального каучука. Не случайно он считался самым быстрым игроком профессионального теннисного тура.

Эх, записать бы эти Чесноковские «Кенгуру» и показывать всем начинающим как обязательный учебный ролик!

Интервью с Раузой Ислановой

В самом начале 2000-х я взял на Ширяевке интервью у известной советской теннисистки и детского тренера «Спартака» Раузы Мухамеджановны Ислановой-Сафиной (мастер спорта международного класса, входила в десятку сильнейших теннисисток СССР в 1967-76, лучшее место — 5-е в 1968). Рауза завершила тренировку группы девочек 13-14 лет, и мы удобно расположились за столом в тени старой липы. Рауза Мухамеджановна откровенно рассказала о своих первых поездках на турниры в социалистическое зарубежье, о том, какими нищими ощущали себя юные советские звезды на фоне остальных участниц: например, у Раузы вся одежда (включая белье) была в единственном экземпляре, и её приходилось стирать каждый вечер и гладить поутру.

Не менее искренним и интересным был рассказ Раузы о времени, когда в середине 80-х она тренировала группу девочек 1981 года рождения. В эту группу входили Анастасия Мыскина (будущая чемпионка Ролан Гаррос-2004) и Елена Дементьева (будущая победительница Олимпиады в Пекине). К группе девочек примыкал 6-летний сын Раузы — Марат Сафин (1980 г.р.), который тогда отдавал явное предпочтение футболу. Он часами слонялся без дела по уютной базе и частенько заглядывал на знаменитое ширяевское

футбольное поле — ну чем не Вадик Борисов в Университетском спортгородке? Правда, Рауза всегда подключала его к занятиям своих девочек по общефизической подготовке.

Рауза Мухамеджановна угостила меня чаем, и к нам присоединилась ее очаровательная дочь, 13-летняя Динара Сафина (будущая первая ракетка мира в одиночном разряде, змс), которая тогда занималась в группе Раузы. Немного посидев с нами, Динара отпросилась у матери к подружкам по секции — на «совместные бутерброды», которые девчонки устраивали после каждой тренировки.

Ширяевка еще с довоенных времен славится домашней атмосферой, и вполне заслуженно — это интервью было самым теплым в моей журналистской карьере.

Теннис в моих журнальных публикациях

«Бич» теннисистов

В начале 80-х в журнале «Наука и жизнь» вышла моя статья под названием «Теннисный локоть». Так называется воспаление сухожилий локтевого сустава, возникающее от перегрузок сустава у многих теннисистов самой разной квалификации. Воспаление это нередко переходит в хроническую форму и тогда оно с трудом поддается лечению. Испытав все «прелести» этого недуга и изучив литературу по этому вопросу, я подробно описал в статье причины появления, характер протекания и существовавшие на тот момент методы лечения этой главной болячки теннисистов.

К сожалению, за последние сорок лет ничего нового в лечении теннисного локтя не придумано, и операция на сухожилии остается самым радикальным методом. Так, в 2017 по этому поводу прооперировали Н.Джоковича, а в 2020 — французскую звезду Л.Пуя.

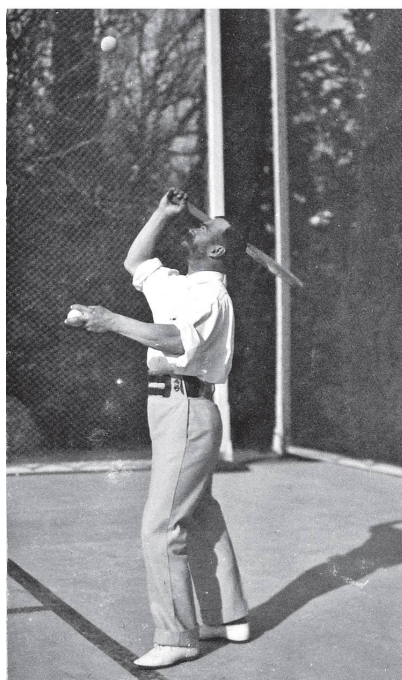
Журнал, который мы потеряли

В конце 90-х мне довелось поработать редактором в журнале «Телеспорт», который детально информировал любителей спорта о спортивных трансляциях на всех российских каналах телевидения. В 10 последовательных номерах журнал поместил мои «10 уроков тенниса» — в редакцию даже пришли два или три благодарных отзыва на уроки от читателей. Это была моя первая методическая работа, увидевшая свет. «10 уроков» легли в основу многих моих последующих публикаций по теме тенниса. Ну а журнал, увы, давно не издается.

Неудачный «удар в ноги»

В 2000-е я поместил в глянце-вом журнале «Дорогие игрушки» (журнал был ориентирован на состоятельных людей и уже не издается. Я несколько лет проработал в нем шеф-редактором) статью об увлечении теннисом семьи последнего российского императора. В ней приведено много фотодокументов и интересных фактов по этой теме. Об одном досадном эпизоде, описанном в статье и произошедшем в ноябре 1913 на корте в Ливадии, наверно, стоит здесь рассказать.

Император Николай II пригласил на ливадийские корты го-

Император подает

стившего в Крыму у князей Юсуповых их племянника, известного в мире теннисиста — графа Михаила Сумарокова-Эльстона.

Справка

Граф Михаил Сумароков-Эльстон — сильнейший теннисист дореволюционной России, неоднократный победитель чемпионата Юга Франции в Монако. В этом турнире он победил в 1921 в паре с великой Сюзанной Ленглен, а в 1922 в четвертьфинале в одиночном разряде одолел Анри Коше

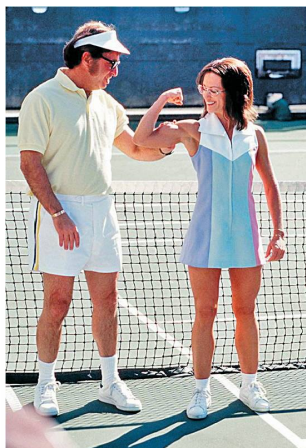
Во время игры Михаил очень неудачно выполнил так называемый «удар в ноги соперника» (мяч направляется точно в район туфель соперника, его еще называют «ударом в шнурки»), и император получил серьезную травму. Вот как писал об этом случае свидетель матча, начальник царской канцелярии:

«Сумароков ухитрился так попасть царю в ногу, что государь упал и должен был пролежать три дня в постели. Бедный чемпион был в отчаянии, хотя вины с его стороны не было, конечно, никакой. Говорят, что Юсуповы сильно его бранили».

Об этой травме и этой публикации я вспомнил, когда рассуждал в данных заметках об этике тенниса и риске теннисных ударов «в игрока».

«Битва полов» в теннисе

В тех же «Дорогих игрушках» и примерно в то же время я опубликовал (совместно с В.Яковенко) статью о «Битве полов» в теннисе. Речь в ней — о нашумевшем матче 1973 года в Хьюстоне между 55-летним американцем Бобби Риггсом и 30-летней американкой Билли Джин Кинг.

Бобби Риггс и Билли Джин Кинг

Бобби Риггс-шоумен

Справка

Бобби Риггс — чемпион Уимблдона-1939 во всех разрядах, чемпион США как любитель в 1939 и 1941, победитель профессионального чемпионата США в 1946, 1947 и 1949. По завершении карьеры стал экстравагантным теннисным шоуменом — на пари играл: сковородкой вместо ракетки, в плаще и резиновых сапогах, с зонтиком и чемоданом в левой руке. Но этого мало: в одном матче против чемпионки какого-то штата он левой рукой держал на поводке собаку, а в другом — против вполне квалифицированной теннисистки — осла.

Билли Джин Кинг — победительница 39 турниров Большого Шлема: 12 побед в одиночном, 16 в парном и 11 в смешанном разрядах. Лидер движения за равные права женщин в теннисе. Благодаря ей система призовых в теннисных турнирах стала меняться. До нее призовые в мужской и женской части теннисных соревнований различались в два и более раза

Риггс, шоумен и провокатор, преследовал коммерческие цели. Он постоянно высмеивал требования феминисток о равных с мужчинами теннисных гонорарах и публично вызывал на матч самую сильную на тот момент теннисистку мира. Риггс всюду заявлял, что он, «старый и больной старик», легко ее победит. Действительно, за три месяца до Хьюстона Риггс спровоцировал на матч Маргарет Корт, и австралийка, находившаяся на излете своей карьеры, вышла на корт совершенно неподготовленной и разгромно проиграла (2:6, 1:6). После этого поражения Билли Джин Кинг вынуждена была принять вызов Риггса — ей надо было доказать на корте правомерность требований о равных с мужчинами гонорарах и сделать это как можно убедительнее. И она уверенно победила в матче 5-сетового формата (6:4, 6:3, 6:3), который транслировался в 36 странах и получил 90-миллионную телеаудиторию. Однако борьба женщин за равноправие в теннисе продолжается по сей день (я, конечно, не имею в виду безобразные «феминистские» выходки С. Вильямс).

Какое отношение «Битва полов» имеет к этим заметкам? Мне женский теннис всегда нравился не меньше мужского, и низкие гонорары теннисисток по сравнению с теннисистами мне представляются большой несправедливостью (за исключением турниров с 5-сетовым форматом матчей у мужчин). Поэтому я всегда интересуюсь этим вопросом и сопутствующими событиями, и короткий рассказ о «Битве полов» считаю здесь вполне уместным.

Отцовская доля

Однажды в начале 80-х я и Андрей, «организатор зимнего тенниса» в нашем НИИ, заехали с 5-звездным презентом на стадион «Связист» — поздравить директора, по-моему, с днем Советской армии. В какой-то момент я отлучился из кабинета в раздевалку. В ней было только двое — пожилой, толстый человек в куртке склонился над 10-11-летним мальчишкой. Упираясь в стену, ребенок почти лежал на скамейке. Рядом в беспорядке разбросаны какие-то вещи, ракетка и пара банок с мячами — одна была без крышки, к скамейке прислонена трость. Взрослый что-то примирительно говорил ребенку и пытался зашнуровать (или расшнуровать) его кроссовок. Мальчишка капризничал и елозил по скамейке.

Пожилой человек, будто застигнутый врасплох, обернулся на мое дежурное «здравствуйте» — я, мгновенно узнав Николая Николаевича Озерова, замер от неожиданности. Он виновато улыбнулся и, как мне показалось, слегка кивнул в сторону мальчишки (мол, вы же понимаете — дети). Ребенку это совсем не понравилось, и он пнул Николая Николаевича ногой в живот. 24-кратный чемпион страны качнулся в сторону, задел трость, и она упала на пол. Мне стало неловко, что я — свидетель этой сцены. Чтобы не смущать хорошего человека, я быстро поднял трость, положил ее на скамейку и вышел из раздевалки. Вернулся в кабинет директора, спросил у него об Озерове. Директор ответил, что Озеров уже не первый год возит сына на индивидуальные занятия с тренером. «Ох, и достается же нашему Николаю Николаичу от сыночка», — добавил он с сочувствием. Я вспомнил свои занятия с Вадимом, и мне стало грустно.

Осторожнее с женами французских послов

На стадионе «Шахтер» много лет арендовали корт дипломаты из французского посольства. Среди них нередко появлялась красивая женщина с металлической ракеткой — жена французского посла. В начале 80-х послу пришло время возвращаться на родину. В последнее посещение стадиона его жена оставила на память металлическую ракетку Wilson заместителю директора стадиона Михаилу Корчагину, 2-кратному чемпиону страны в паре (1953,1955). Он уже не играл в теннис и очень мало тренировал. Как правило, сидел за шахматным столиком в роскошном вестибюле «Шахтера» и играл с арендаторами в шахматы, которые фанатически любил. Михаил Касьянович предложил мне как состоятельному, на его взгляд, арендатору купить эту ракетку. Запросил за нее немало. Мне давно хотелось поиграть металлическим Wilson, и после колебаний я решился на эту покупку. Игра этой ракеткой доставляла мне огромное удовольствие, но на исходе второго месяца ее активного использования треснул обод. Было жутко досадно ...

Через несколько лет я случайно увидел интервью знаменитого барда и доктора наук Александра Городницкого, в котором тот вспоминал о крупных неприятностях на самом высоком уровне, с которыми он столкнулся после того, как его песня «Жена французского посла» (она написана в 1971, и мне не очень нравилась) приобрела всенародную популярность. Прочел интервью и понял, что покупка металлического Wilson была моей ошибкой, так как контакты с женами послов этой страны так или иначе оборачиваются большими огорчениями.

Загадка народной артистки СССР

Как будет видно из следующей главы, тема «теннис и балет» довольно забавная. Но здесь я хочу рассказать грустную и неоднозначную историю, связанную со звездой советского балета. Летом 1986 на кортах стадиона «Наука», что находится на Большой Академической, занималась теннисом небольшая необычная группа девушек — стройных и симпатичных. Руководила занятиями Народная артистка СССР, бывшая прима Московского музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко Виолетта Трофимовна Бовт.

Занятия этой группы стали главным событием того лета на стадионе. Через ограждение кортов и я пару раз наблюдал за знаменитой балериной и ее подопечными. Удары, которые эта яркая харизматичная женщина показывала девчонкам у тренировочной стенки и на корте, были какими-то старомодными, «нетеннисными». Подумалось тогда, как может уважаемый и умный человек преподавать то, в чем мало разбирается? Неужели ради дополнительного заработка?

И только спустя много лет, случайно ознакомившись с ее биографией, я увидел возможную подоплеку этих занятий. Оставив сцену в 1979, Виолетта Бовт до начала 1986 работала педагогом-репетитором в своем театре, однако с 1985 стала нежеланной для руководства и решила уехать на родину, в США. Пожалуй, очень любимый Виолеттой Трофимовной теннис и стал тогда, на «Науке», поводом для встреч со своими молодыми балетными ученицами, ее прощанием с ними, попыткой передать им перед отъездом секреты пластики и сценического движения, а может быть, и секреты жизни. В конце 1986 Бовт навсегда уехала в США.

Глава 10. Мое репетиторство

Главное в моем репетиторстве

После ухода с государевой службы у меня стало гораздо больше свободного времени, но гораздо меньше денег. Поэтому пришлось эпизодически подрабатывать теннисным репетиторством. В этой работе я руководствовался принципами безопасности подопечных и интерактивного обучения.

Безопасность подопечных

Любое попадание мяча в туловище или голову человека очень опасно. Поэтому обеспечение безопасности новичков, которые еще не понимают всей серьезности этого вопроса, выходит на первое место.

На первом же занятии я учу каждого подопечного правильно уклоняться от мяча, летящего в лицо или грудь. Для отработки «уходов игрока» в сторону от мяча я использую поролоновый мяч, который осторожно направляю в подопечного. Не всем клиентам нравится осваивать этот боксерский навык, а вот мальчишки всегда в восторге — они воображают себя на ринге и быстро доводят «уходы туловища» до автоматизма. Как бы то ни было, за все годы моего репетиторства мяч ни разу не попал в подопечного.

Интерактивное обучение

Постоянное живое общение с подопечным в ходе занятий я считаю наиболее эффективным путем использования своего методического багажа и важнейшим условием успешного обучения. Сегодняшние теоретики называют это интерактивным обучением.

При работе на корте или у стенки и при обсуждении предлагаемых мною фото и кинограмм профессионалов я постоянно выяс-

няю у подопечного его мнение о сути моих рекомендаций и о том, что он увидел на этих фото и кинограммах. Тем самым я подталкиваю обучающегося к аналитической работе и формированию его собственного теннисного мышления, что необходимо и в ходе обучения, и в его последующей теннисной жизни.

Конечно, интерактивность уместна и эффективна только в отношении тех, кто действительно хочет научиться понимать теннис и технично играть. Тех же, кто взял ракетку в руки ради похудения, хорошего самочувствия или «для приобретения весу в обществе» (по выражению П.И.Чичикова), я пытался перенацелить на другие виды спорта или, если была возможность, «передавал» своим коллегам-репетиторам.

Случаи из моей репетиторской практики

В репетиторстве всё, как в жизни, — успехи перемежаются относительными неудачами, забавные эпизоды — огорчениями. Как правило, мне удавалось добиться какого-то результата — пропорционально уровню способностей подопечного и, в меньшей степени, пропорционально количеству проведенных занятий. Успехи учеников радовали меня не меньше собственных успехов. А неудачи чаще всего случались, когда на занятия родители приводили детей, совершенно не желавших заниматься теннисом.

Вот несколько случаев из моей репетиторской практики.

Избалованные дети

Самые трудные подопечные — избалованные дети, не желающие заниматься теннисом. Не могу забыть 13-летнюю Юлю. Это быламышленная девочка, совершенно равнодушная к теннису, на

занятиях она в меру сил издевалась надо мной. Ее любимая шалость — «соло гитарист-вокалист»: стоило мне оказаться к ней спиной, она начинала длинными крашеными ноготками «дергать» струны ракетки, изображая игру на гитаре, чуть приплясывать и что-то тихо мурлыкать. Отбить у нее охоту к музицированию мне удалось посредством военной хитрости. Сначала я с доброй улыбкой похвалил ее теннисно-гитарный этюд и сообщил, что тоже люблю играть на гитаре и петь (и это было правдой). Юля впервые посмотрела на меня с интересом. Затем, с видом заговорщика, сообщил ей, что на следующее занятие принесу свою испанскую гитару и маникюрные ножницы, и мы начнем осваивать гитару — разумеется, в тайне от родителей (все это было, конечно, блефом). Юля насторожилась: «А для чего ножницы?». Я доверительно, но решительно пояснил: «Для обучения игры на гитаре обязательны очень коротко остриженные ногти на одной руке. Поэтому я лично остригу ноготки на твоей левой руке». Юля быстро спрятала левую руку за спину и задумалась... С этого дня она потеряла всякий интерес к ракетке-гитаре.

Балетные девочки

Однажды я занимался с девушкой 18-19 лет, квалифицированной балериной, которая захотела «в придачу к балету» освоить в светских целях азы тенниса. С первого же занятия начались проблемы — девушка с трудом уклонялась от подлетающего мяча, не могла пробежать 8-10 метров в режиме форсированного бега, ловила медленно летящий мяч только стоя на месте и только двумя руками. На бегу поймать летящий мяч или проскочить через вертикально стоящий обруч — были для нее совершенно невыполнимыми задачами.

Я спросил бедняжку: «Вам нравилось заниматься физкультурой в школе?». Она ответила с некоторым вызовом: «Я ходила в балетную школу, и мне во избежание травм «засчитывали» физкультуру автоматически».

Ее прочно усвоенные балетные навыки — выворотная стопа и неременное «вытягивание поясицы вверх», «выпрямленные колени» и движение «по веревочке» — оказались непреодолимыми препятствиями для освоения азов тенниса. Мы промучились три или четыре занятия, я признал свою беспомощность, и мы расстались.

Через пару лет некий бизнесмен привел ко мне на занятия дочку с «хореографическим прошлым». С ней мне было чуть легче, но подстраиваться к движущемуся мячу для удара она так и не научилась . . .

Супруги — сложные подопечные

Бытует утверждение: «Два супруга, выходя на корт, подвергают крепость семейных уз испытанию, с которым очень редко кто из них справляется». Оно верно в отношении любителей и даже профессионалов. Действительно, в истории профессионального тенниса нет ни одной семейной пары, которая бы добилась сколько-нибудь существенных успехов, выступая на мировых турнирах в смешанном разряде. А в справедливости этой максимы в любительском теннисе я убедился лично — при обучении новичков-супругов и наблюдая соревнования любителей в миксте.

Вот две истории из моего репетиторского опыта в «супружеской» номинации.

История первая: амбиции и безразличие

В конце 90-х мне довелось заниматься с очень интересной семейной парой — Анатолием и Еленой. Анатолий — заместитель

директора крупного издательского холдинга, умный и ироничный человек, хороший футболист и умелый игрок в настольный теннис. Елена — доктор технических наук, профессор, проректор одного из московских Вуз'ов, в прошлом мастер спорта по плаванию.

Будучи очень энергичной и властной женщиной, Елена считала, что умение красиво играть в теннис — единственная недостающая деталь ее светского облика. А Анатолий не слишком-то тянулся к теннису и, опираясь на свою общую спортивность, хотел получать от тенниса удовольствие без всяких технических изысков. Елена отвергала эту пассивную концепцию мужа и при игре на счет в паре против меня между ними постоянно возникали конфликты — «корявые удары, промахи и тактические ошибки» мужа бесили прекрасную Елену. Кончилось дело тем, что Анатолий прекратил посещать занятия, а Елена продолжила заниматься и научилась-таки довольно технично и красиво играть.

За время наших занятий Анатолий как профессионал-литератор сумел разглядеть во мне литературные способности и пригласил меня на работу в качестве редактора в свой холдинг. Так я начал свою редакторско-журналистскую карьеру, и за это я очень благодарен Анатолию.

История вторая: тайный план

Другие люди — другие внутренние интриги. Молодая симпатичная пара. Руستم был спортивным парнем и гораздо быстрее жены осваивал теннисные приемы. Но Нину его успехи немного раздражали, так как она считала их недоразумением. Однажды Руستم, получив мое задание, отправился к теннисной стенке непо-

далеку от корта, а я стал накидывать Нине мячи на всей площадке. Неожиданно она подозвала меня к сетке и попросила с невинной улыбкой: «Пожалуйста, научите меня хитрому удару, с помощью которого я всегда смогу выиграть у мужа». Едва сдерживая смех, я принялся объяснять ей, что, если такой «волшебный» удар еще как-то можно представить в спортивных единоборствах, боксе и даже гольфе, то в теннисе одного очень хорошего удара совсем недостаточно для победы. Конечно, я умолчал о том, что существуя такой теннисный удар в реальности, я — из соображений преподавательской этики — не стал бы обучать ему одного супруга в тайне от другого.

Поняв, что в теннисе никак не получится «щелкнуть мужа по носу», Нина перестала ходить на занятия. Рустем продолжал заниматься и многого добился. Думаю, сегодня, играя в теннис с друзьями, он вспоминает наши занятия с благодарностью.

Как губят таланты

Эта печальная история произошла с моим самым лучшим учеником.

Талантливый 12-летний Леша за три месяца занятий в школьном зале, где я занимался с ним и его одноклассниками, освоил почти все основные теннисные удары, причем слева он научился бить и двумя, и одной рукой, что в таком возрасте, конечно, было очень большой редкостью. Мне стало ясно, что с мальчиком надо заниматься профессионально — регулярно тренировать его на настоящем корте и возить по серьезным детским турнирам. Ничего этого я не мог ему обеспечить — и тогда, и сегодня для профессионального роста подростку нужен личный оплачиваемый тренер, участие в турнирах и спонсор. Но спонсор заключает контракт

только с тем, кто на турнирах доказал свою перспективность. И я посоветовал родителям Лешу попытаться записать сына в знаменитую детскую школу «Динамо» на Ленинградском проспекте (именно попытаться — потому, что 12-летних детей в такие школы не берут). Но случилось невероятное — Лешу просмотрели ... и взяли!

Через полгода мне очень захотелось увидеть Лешины достижения, и я пригласил его с мамой на корты ЦДУ (куда членам клуба разрешалось приводить своих детей и внуков). Но на площадке был совсем другой ребенок — Леша растерял практически все, что умел, и ни разу не ударил слева одной рукой! Я обрушился на него и его маму с вопросами. Выяснилось, что на первом же занятии в «Динамо» ему запретили (!) одноручный бэкхэнд, так как для работы с детьми действовала «установка сверху» — осваивать только двуручный бэкхэнд. Лешина мама добавила, что ей предложили — для продвижения сына — платить за занятия дополнительно, конечно, неофициально. Утомительные, почти ежедневные поездки на «Динамо» через весь город и дополнительная плата грозили стать непосильным бременем для Лешиных родителей, и моему гениальному подопечному пришлось бросить теннис.

То, что я не сумел приобщить к теннису очень талантливую мальчишку, — третье горькое поражение в моей теннисной жизни.

Мои подопечные — хирурги

Телесные недуги свели меня с двумя прекрасными людьми и отличными хирургами — главврачом больницы Св.Алексия Алексеем Юрьевичем Заровым и хирургом-урологом клиники на

Пироговке доктором медицинских наук Константином Леонидовичем Локшиным.

Оба в разное время оперировали меня, и на почве интереса к теннису у нас завязались дружеские и «рабочие» отношения. Я занимался с каждым отдельно на кортах ЦДУ, где они как гости члена клуба (то есть мои гости) вносили в кассу клуба очень небольшие деньги — в соответствии с клубным регламентом. Оба достигли заметных успехов в освоении игры, особенно Константин, отличавшийся природной пластичностью. Оба успешно продвигались по работе, были многодетными отцами (трудно поверить, что у Алексея пятеро детей, а у Константина — трое!), и времени на теннис, конечно, у них не оставалось. Но мы по сей день поддерживаем дружеские отношения — я не раз консультировался с обоими по своим болячкам.

Теннисное общение с хирургами наводит меня на мысль, что «зоркий глаз» и «твердая рука», необходимые в их профессии, очень помогают им в освоении премудростей тенниса.

Мои «эпизодические» подопечные

«Эпизодические» подопечные — это люди, с которыми я занимался недолго, всего 1-3 занятия — как правило, я подменял своих товарищей по репетиторскому цеху. Но и такое короткое общение чаще всего было полезно моим подопечным и оставляло и у меня, и у них приятные воспоминания. Здесь я кратко расскажу о наиболее известных персонах:

- писатель Эдуард Успенский и его помощница по передаче «В нашу гавань заходили корабли» журналистка Лера Филина. Писателю теннис был не интересен, но ему в те годы хотелось больше времени проводить с Лерой, жаждавшей научиться

теннису. По их приглашению я однажды приехал на запись передачи в качестве автора-исполнителя, но отказался в ней участвовать, так как мои песни не вписывались в концепцию передачи;

- политолог Станислав Белковский. Он приятно поразил меня простотой общения и прекрасной координацией — не имея никакой футбольной подготовки, этот мешковатый на вид человек очень уверенно, «с подъема», как квалифицированный футболист, направлял теннисный мяч в тренировочную стенку (а это очень сложно).

Справка

Станислав отдаленно напомнил мне двух «кудесников мяча» — капитана сборной МГУ по футболу Стукана и моего товарища Женю Неплюева, которые могли по несколько минут подряд, не ошибаясь, лупить обеими ногами «с подъема» по теннисному мячу в стенку. Причем Стукан (тот случай, когда фамилия неслучайна) тренировался таким образом у той самой университетской теннисной стенки, у которой мучился маленький Вадим Борисов

- актер театра на Таганке Алексей Граббе. Этот интеллигентный и милый человек за три занятия успел кое-чему научиться и преподнес мне на прощание подарок: организовал «прогулку в мою юность» — встречу в театре на Таганке с актером Анатолием Васильевым, моим любимцем из 60-х. Разговор с театральным мэтром (теперь уже и режиссером) получился гротесково-забавным. Прослушав мои песни (я хотел узнать его мнение о них как театрального барда-исполнителя), он

стал как-то картинно, эмоционально и увлеченно, будто читал лекцию влюбленным в него студенткам театрального Вуз'а, рассуждать о поэзии вообще и поэзии в театре, о тайнах музыкального исполнительства и магии театра. Эти рассуждения я с удовольствием воспроизвел потом в своем юмористическом рассказе «Встреча с мэтром».

Спарринг

Спарринг без обсуждения происходящего на корте мне не по душе. Но я занимаюсь им, если симпатичные мне и уважаемые мною люди просят меня «поиграть» с ними (о денежном вознаграждении речи, конечно, не идет). Наиболее интересные и приятные спарринг-партнеры, повстречавшиеся мне за все годы, — Александр Михайлович Орлов и Наталья Михайловна Васильева.

Александр Михайлович — доктор химических наук, профессор, директор института федерального уровня (на то время), в молодости мастер спорта по шахматам, очень остроумный и отзывчивый человек. Профессору плохо давался теннис, но его фанатическая любовь к этой игре, шахматный талант и обаяние подкупали меня. В благодарность за спарринг Александр Михайлович возил меня на казенной машине на закрытые презентации высокого уровня и какие-то корпоративные парные теннисные турниры с призами для всех участников, что мне, едва выбравшемуся из закрытой фирмы, было поначалу весьма интересно. Но эти тусовки отнимали у меня слишком много времени, и я быстро от них отказался. Когда Александр Михайлович по ложному обвинению провел некоторое время в Матросской тишине, я принес ему передачу — комплект шахмат и сборник шахматных этюдов. Мы и сей-

час поддерживаем теплые дружеские отношения, и я всегда могу обратиться к нему за помощью.

Наталья Михайловна Васильева — доктор филологических наук, профессор, завкафедры романской филологии в МГУ, заслуженный деятель науки, академик Международной педагогической Академии, специалист, каких в России один-два, ветеран теннисного клуба ЦДУ, женщина умная и очень приятная в общении. После гибели клуба Наталья Михайловна в одночасье потеряла теннисных партнеров, но продолжает стремиться на корт. Она живет недалеко от Екатерининского парка, и мы время от времени играем с ней на знаменитых кортах ЦДКА (см. Глава 9).

Как-то я решил показать Наталье Михайловне свои литературные продукты. Литературно-исторический опус «Этика в теннисе» ей очень понравился, и похвала филолога такого уровня стала наградой моему писательству. Конечно, это не было платой за мой теннисный спарринг — во-первых, незаслуженная похвала со стороны специалиста такого высокого уровня невозможна, и во-вторых, другой мой литературный продукт она подвергла-таки легкой критике.

Она продолжает работать на полставки на своей кафедре (ее возят туда и обратно на машине) и с приближением каждого теннисного сезона мечтает хотя бы еще раз выйти на корт.

Удаленное консультирование

Однажды Сергей Пархомовский, мой товарищ по редакции, известный переводчик Гейне и фанат тенниса, привел на мои занятия своих 5-летних сыновей — Михаила и Леонида. Он жаждал приобщить ненаглядных близнецов к теннису и хотел оценить

их перспективы. Противопоказаний к теннису я у них не увидел. Сейчас все трое — граждане Австрии, а Леонид Пархомовский — восходящая теннисная звезда австрийской Земли Штирия. Сергей часто отправляет мне записи тренировок и матчей сына, и мы вдвоем или втроем по скайпу обсуждаем технические детали игры Лени. Найдя в Инете какие-то интересные теннисные материалы, я отправляю их со своими комментариями по электронной почте в Австрию, и их мы тоже детально обсуждаем. «Удаленка» нынче в тренде, так что моя теннисная квалификация востребована и за пределами отечества.

Думаю, через четыре-пять лет Леонид Пархомовский станет одним из лидеров австрийского тенниса, и в этом его успехе будет и мой небольшой вклад.

Глава 11. Теннисные конструкторы и умельцы

Король «Эпохи дерева» — неудачник «Периода металла»

Однажды в конце 70-х на стадионе «Наука» меня познакомили с пожилым человеком — он со скамейки устало смотрел на молодежь, игравшую в теннис, и иногда, как типичный волшебник, что-то царапал тростью на песке. Это был король «Эпохи дерева» — знаменитый советский конструктор деревянных теннисных ракеток Александр Алексеевич Тарутин. Я выказал ему свое уважение, сказал, что с удовольствием несколько лет играл его «Востоком», и он пригласил меня к себе домой (наверно, ему было очень одиноко).

Он жил один, неподалеку от стадиона, в очень тесной и неухоженной квартире. Его единственная комната выглядела музеем, беспорядочно нашпигованным призами всех мастей, медалями на лентах, дипломами и свидетельствами в пластиковых футлярах, фотографиями с известными игроками и спортивными чиновниками, мотками теннисных струн и бесчисленными образцами деревянных ракеток. И немудрено: Александр Алексеевич разработал 9 типов деревянных ракеток, которые были внедрены в производство! Среди них — ракетки «Эстония», «Тарту», «Москва» и «Восток». «Востоком» играли в свое время сборные команды страны, этой ракетке присвоили Государственный знак качества.

После обзора домашней экспозиции разговор зашел о появившихся в продаже шести советских металлических ракетках, среди которых был и Тарутинский «Корт» (к моменту нашего разговора я уже попробовал поиграть многими из них, и они мне совсем не по-

нравились). Конструктор с горечью рассказал, что все отечественные производители металлических ракеток не обеспечивают предусмотренных разработчиками динамических характеристик, что качество металла низкое, а дизайн ракеток не выдерживает критики. Поэтому Александр Алексеевич у всех отечественных металлических моделей не видел никаких перспектив. Действительно, спросом в народе пользовались поступающие из Польши Stomil и Polonez (Полонез), а все отечественные металлические ракетки, включая Тарутинский «Корт», тихо сошли со сцены. Так что «металлический эксперимент» короля «Эпохи дерева» оказался неудачным.

Справка

На Западе в эти годы пользовались успехом металлические ракетки Lacost, Wilson и особенно Prince Classic (с чуть увеличенным размером головки). Но в начале 80-х «Период металла» в истории мирового тенниса завершился, и наступила гегемония композитных ракеток (композитом называется комбинация графита, кевлара и стекловолокна)

Талантливый умелец-подпольщик

С 1987 три модели ракеток австрийской фирмы «Kneissl» (кто-то, возможно, еще помнит брэнд этой фирмы — звездочка с двумя опущенными лучами-руками) стали по лицензии выпускать на Московской Экспериментальной фабрике спортивного инвентаря (ЭФСИ). Моделями White Star Pro Masters вооружили молодежную сборную страны, моделями Blue Star Mid и Blue Star Big — высшее спортивное руководство. Совсем крохи поступали

в продажу. Через два года из-за нарушений технологии австрийцы отозвали лицензию, но ЭФСИ «выдержала удар» и продолжила выпускать Blue Star Mid и Blue Star Big — под именами: Kneissl, «Прогресс» и «Гигант». Продукцию отправляли в столичный спортивный магазин «Олимп» на Красной Пресне небольшими партиями.

Ракетки Kneissl и «Прогресс» получились довольно удачными, они стоили не слишком дорого и пользовались большим успехом у публики — перед открытием у «олимпийских» дверей магазина собирались толпы людей. Именно в это время я (не помню, как) познакомился с талантливым человеком, удивительным «мастером ракетки». И снова приходится конспириро-

Изделие мастера Петра

ваться — назову этого человека Петром. Он работал на МЭФСИ в цехе по изготовлению горных лыж и горнолыжных палок из композита. С получением лицензии фирмы Kneissl производство расширили, и Петю перебросили на изготовление ракеток. И вот он — благодаря «строжайшей экономии материала» и своему таланту — наладил на фабрике собственное производство «Про-

грессов» и Kneissl для продажи по «своим каналам». Петины ракетки ничем не отличались от официальных и продавались им по честной цене — как в «Олимпе». Несколько штук купил у него и я — для себя и друзей. Одна из них до сих пор томится в кладовке моей племянницы, так и не собравшейся всерьез заняться теннисом.

Но это не вся история. Как творческий советский человек, Петр поставил перед собой новую, более сложную задачу — скопировать престижную импортную ракетку (модель я не запомнил). Для этого ему пришлось: разработать принципиально новые лекала, подобрать краски, создать трафареты дизайна для всех поверхностей ракетки, тайком красить и сушить в малярке не штатные для МЭФСИ изделия. Это был настоящий подвиг неугомонного творческого заимствования!

Я никогда не интересовался деталями и масштабами подпольной деятельности Петра. Одну «импортную» ракетку я у него купил (недорого, почти по цене «Прогресса»). Она мне очень понравилась (до чего же талантлив наш народ!), но была чересчур тяжелой для моего теннисного локтя. Пришлось продать ее (без коммерческой выгоды для себя, разумеется) коллеге по работе, который увлекался теннисом. Мне было интересно, понравится ли ему подделка, и чтобы соблюсти «чистоту теста», я не сообщил ему порочащие факты ее биографии. Через пару недель я признался, что ракетка — поддельная. Но мой товарищ твердо заявил: «Информация запоздала — я уже привязался к ней».

Через год-другой в продаже появилась уйма импортных композитных ракеток высокого качества. Производство советских Kneissl, «Прогрессов» и «Гигантов» прекратили, и мои контакты с Петей прекратились.

Конечно, я понимал, что Петр выстроил преступную производственную цепочку — «экономия композита», заливка форм, покраска, просушка, вывоз продукции и ее сбыт, и что я был звеном этой цепочки! Но я успокаивал себя тем, что в случае чего будут приняты во внимание отсутствие у меня личной прибыли и моя фанатичная любовь к теннису, и я отделаюсь условным сроком.

Физик, теннисист, певец и конструктор

В годы учебы в Университете мне довелось общаться с первым номером сборной МГУ по теннису Федором Агашиным. Он был аспирантом Физического факультета и как уже «маститый» физик и состоявшийся теннисист (мастер спорта) по своей инициативе взялся опекать меня, физика-первокурсника.

У этого независимого и очень увлекающегося человека во всем был «свой путь». Например, он был убежден, что для выполнения сильной подачи вовсе не надо вставать боком к задней линии, что, конечно же, противоречило анатомическим основам тенниса. Тем удивительнее то, что подача из позиции животом к сетке (примерно, как у императора Николая II на фото в Главе 9) у него получалась довольно сильной и приносила ему успех! Упрямство мешало Федору признать, что позиция боком к сетке обусловлена необходимостью использовать при подаче энергию туловища.

Другая страсть Агашина — Федор Шаляпин. Молодой человек не только освоил почти весь шаляпинский репертуар (что продемонстрировал друзьям весьма оглушительно), но и поменял имя Валерий, данное ему при рождении, на имя Федор!

Увлечение физикой, теннисом и вокалом Агашин сумел чудесным образом объединить в смелом проекте — самостоятель-

ном конструировании новой деревянной ракетки «Дубинушка». Федор так назвал ракетку в честь русской песни «Дубинушка», которую он, уподобляясь великому тезке, довольно эффектно исполнял. Об этой ракетке он написал в своей книге «Биомеханика ударных движений». На каком-то московском производстве Федор довел-таки свои конструкторские разработки до экспериментального образца.

Эпопея создания этой ракетки имела мистическую составляющую, которая открылась совсем недавно в Кратово, на теннисном Кубке Ямпольского (см. Главу 12). После кубковых матчей, под пиво беседовали три физика-участника турнира — Александр Кон, Володя Жуковский и я. В разговоре случайно всплыла фамилия «Агашин», и Саша Кон рассказал совершенно непостижимую, но достоверную историю, которая относится к конструкторским поискам Федора Агашина. Вот эта история.

Товарищ Агашина (назову его N), сотрудник Физического Института Академии наук (ФИАН), пообещал Федору для обоснования характеристик проектируемой ракетки неофициально провести какие-то механические испытания системы «рука теннисиста — ракетка» на отрезанной у трупа руке. Федор раздобыл у знакомого патологоанатома такую руку и в кейсе принес ее на проходную ФИАН, откуда позвонил N. Тот ответил, что заберет кейс через 40 минут. У Федора совсем не было времени, он сказал, что оставляет кейс на проходной у вахтера, и ушел. Через полчаса N вышел на проходную, но кейса не обнаружил. Вахтер заявил, что проходная — не камера хранения и что он ничего не знает.

В этот момент Володя аж подпрыгнул от возбуждения и продолжил историю Саши своим рассказом.

Лет 50 назад вся страна вышла на ежегодный ленинский субботник. Я, молодой сотрудник института Точной механики и вычислительной техники РАН (он находится в сотне метров от ФИАНа), поутру прибыл на свое рабочее место, которое располагалось в цокольном этаже институтского здания. Начальник лаборатории попросил меня убрать мусор на уличной аварийной лестнице, которая вела в подвал здания и располагалась под окном комнаты, где я работал. Через десять минут я вернулся в лабораторию с загадочным кейсом, найденным на лестнице. Заинтригованные сотрудники лаборатории собрались вокруг кейса, открыли его и обнаружили в нем неприглядную и дурно пахнущую мужскую руку. Кейс мгновенно закрыли и после короткого научного совещания вызвали по телефону милицию.

Таким образом, два физика, потягивая пиво на комфортной старомосковской даче, разгадали детективную загадку полувековой давности.

Некий злодей присмотрел бесхозный кейс на проходной ФИАНа, схватил его и выскочил из здания. Он пробежал сотню метров, успокоился и решил узнать, какова добыча. Увидев руку, он испытал ряд глубоких чувств — удивление, ярость, огорчение и страх. Затем быстро закрыл кейс, швырнул его в лестничное углубление у стены ближайшего здания

(это и был институт Точной механики и вычислительной техники) и скрылся. На следующий день, во время субботника, кейс у подножья лестницы обнаружил молодой сотрудник института В.Жуковский.

Когда Агашин принес экспериментальный образец «Дубинушки» на университетские корты, возник ажиотаж. Все наперебой хотели протестировать ракетку. Федор торжествовал. Подошла моя очередь, и я сыграл ею целых два гейма. Ракетка показалась мне чрезмерно жесткой, «дубовой», что вполне соответствовало ее имени. Я не выразил ожидаемого Федором восхищения, и после этого тестирования наше общение как-то само собой сошло на нет. Ну, а ракетка «Дубинушка» в серию, конечно, не пошла.

Мне (занимавшемуся в молодости регуляцией движения руки в локтевом суставе) непонятна научная суть затеи Агашина и его товарища-физика из ФИАН'а с неживой рукой. Но все-таки возникает шальная, антинаучная мысль: а что, если именно невосполнимая потеря злополучной руки не позволила Федору довести опытный образец ракетки до надлежащего качества?

Лихоборский маэстро

Миша Палькин, теннисная звезда Клуба «Лихоборы» и слесарь высокого класса, в 70-е изготовил на своем заводе механический станок для натягивания струн и придумал, как переделать стандартную металлическую польскую ракетку «Полонез» в ракетку Oversize, имевшую площадь головки примерно 120 кв. дюймов (размер стандартной головки — 66 кв. дюймов).

Станок Миша делал по своему разумению, без чужих чертежей и подсказок. Что же касается его Oversize, то, возможно, он знал о ракетках американских конструкторов Г.Хеда* и Т.Вида (в 70-е в США они запатентовали металлические ракетки с площадью головок 130 и 135 кв. дюймов). В любом случае работа с металлическим профилем (ободом ракетки) потребовала от него специальных умений в области обработки металлов.

Итак, отечественный маэстро Михаил Палькин создал добротный механический станок, на котором я с удовольствием работал какое-то время, и наладил мини-производство ракеток Oversize, которые пользовались большим спросом в клубе «Лихоборы». Конечно, Палькинская ракетка не позволяла очень точно направить мяч, но зато имела широкий адрес:

дети и начинающие, которым этой ракеткой «легче», чем обычной, попасть по мячу и сильно отбить его;

игроки-любители не очень высокого уровня;

тренеры-наставники, которые по много часов в день без усталости набрасывают мяч своим подопечным.

Именно этим категориям игроков адресованы и современные композитные большеголовые ракетки ведущих фирм мира (чемпион по площади головки — американская Big Bubba, 137 кв. дюймов).

«Теннисное» ноу-хау

Как-то мой теннисный товарищ из Энергетического института пригласил меня сыграть пару с двумя его партнерами на

* Название известной австрийской фирмы Head (горные лыжи и теннисный инвентарь) происходит от фамилии американского конструктора Говарда Хеда (Howard Head), а не от слова head (голова), как думают многие

институтском зимнем корте. Закончив игру, я с намеком на слабую игру одного из соперников вежливо спросил: «А кто этот ветеран в очках?». Мой товарищ ответил: «Это сын знаменитого композитора Глиэра». Понимая, что почетного родства недостаточно для оправдания бледной игры, он рассказал такую историю.

«Директор закрытого КБ, где Глиэр-младший работал конструктором, был ярким врагом тенниса и теннисистов-подчиненных, которые в середине рабочего дня уходили с работы с ракетками и возвращались только через пару-тройку часов. Поэтому он отдал строжайшее распоряжение вахтерам на проходной — заметив у проходящего сотрудника ракетку, мгновенно докладывать ему по «красной линии». В ответ конструктор Глиэр придумал двусторонний металлический крючок длиной около 10 см: один крючок надежно зацеплялся за пройму пальто, плаща или куртки, а второй — за обод ракетки. Это ноу-хау позволяло совершенно незаметно пронести ракетку через проходную в любое время года».

Итак, мне довелось познакомиться с четырьмя незаурядными представителями советской конструкторской школы. Эти четыре человека — очень разные. Различались и цели, которыми они руководствовались в своем творческом поиске, и полученные результаты. Для меня самое важное в них — огромная любовь к теннису!

Глава 12. Теннис в Кратово

Лет 10-11 назад Юра Ямпольский пригласил меня на празднование своего дня рождения. Оно проводилось ежегодно с 90-х на участке его давнего друга, ученого-физика на пенсии Александра Кона, в знаменитом дачном поселке Кратово. Гвоздь празднования — традиционный теннисный Кубок Ямпольского, небольшой турнир на самодельном грунтовом корте. Его давным-давно Александр и Юра построили своими руками.

Для самоделки корт получился неплохим — укатанный грунт, покрытый тонким слоем мха, издали похожего на траву, достаточные забеги, стандартная сетка на столбах, судейская вышка, ограждение по периметру и приемлемый по правильности и высоте отскок. Корт окружен с трех сторон красивейшими вековыми соснами, с четвертой — к корту примыкает веранда двухэтажного хозяйского дома, старого, красивого и удобного.

После турнира (одиночные односетовые матчи с выбыванием) развернулось праздничное застолье участников турнира и гостей в небольшом уютном «доме приемов», рядом с основным домом. Герои пиршества — именинник и победитель турнира. Распорядитель застолья и его душа — хозяин дома Александр, человек неистощимого остроумия. Он без устали (благо, что рано выбыл из турнира) изрекал свои юмористические экспромты и заготовки — забавные стишки и эпиграммы, лимерики* и палиндромы**, которые были связаны с именинником, по-

* Лимерик — пятистишие юмористического содержания, рифменная схема — ААВВА

** Палиндром — слово или сочетание слов, одинаково читающееся в обоих направлениях. Пример палиндрома: мёд ждём (автор — Ю.Ямпольский)

Юра Ямпольский на судейской вышке. Корт в Кратово

бедителем турнира, хозяином дома и традиционными гостями Кубка Ямпольского.

Этот праздник проводится даже в отсутствие именинника — после отъезда в США Юра участвует в мероприятии в режиме телемоста. Все свои литературные труды завсегдатаи Кубка Ямпольского, весьма плодовитые по этой части (основные авторы — Ю. Ямпольский, А. Кон и Е. Грачева), опубликовали в книжках, вышедших малыми тиражами, — «Лимерикон и другие глупости», «Кратовские страницы I» (2006) и «Кратовские страницы II» (2013).

Вот пара фрагментов из «Кратовских страниц I» (автор — Ю.Ямпольский):

Лимерик

*Раз я в мае на теннис собрался,
Так как за зиму истосковался.
Но, явившись на корт,
Я, разинувши рот,
Вижу надпись: «Здесь Кон не валялся».*

Кусочек поэмы

*Песок из нас всюду струится,
Подача и прием — ни к черту,
Надеюсь, все же пригодится
Песок наш для подсыпки корта.*

*И хлопоты тут не о спорте.
Страшимся мы, как наважденья,
Что на родном, грунтовом корте
Вдруг вырастет трава забвенья.*

Кратово — мой второй опыт игры на самодельных грунтовых кортах. Считаю, что фанат тенниса, имеющий достаточно сил и средств, может построить и содержать грунтовой корт, вполне пригодный для игры.

Глава 13. Испания ... без тенниса

Всегда не любил уезжать из Москвы в теннисный сезон даже в интригующие поездки, так как всякий раз потом, в зимней Москве с сожалением вспоминал о невозвратно утерянных для игры днях. Как-то в начале осени 2009 мои давние друзья Надя и Александр Берковичи предложили мне съездить в испанский курортный город Фуэнхирола на побережье Коста-дель-Соль Средиземного моря, в провинции Андалусия (в рамках проекта timeshare за пару лет до этого Берковичи приобрели номер в отеле Фуэнхиролы).

Я решил, что в октябре можно и поехать, при условии, что мне будет гарантирован теннис. В рекламном проспекте отеля нашел фото четырех теннисных кортов, предоставляемых постояльцам отеля. Сотрудники турфирмы, которая вела проект, пообещали мне позвонить в испанский офис по поводу наличия в отеле кортов. Через день они сообщили мне, что получили подтверждение из Испании (!), что корты живы-здоровы, и пригласили меня на оформление путевки. Я успокоился (какая наивность с моей стороны!) и оформил поездку.

Прилетел в аэропорт Малаги, меня встретил водитель отеля и привез в Фуэнхиролу, в отель. Я зарегистрировался, попросил номер на 3-м этаже, с балконом над кортами (мне нравится звук ударов ракетки по мячу). Вышел на балкон и внизу увидел — о, ужас — 12 площадок для игры под названием «падл». Это очень суматошная смесь тенниса и сквоша: игроки, двое или четверо, постоянно носятся-крутятся по небольшой площадке и, не успевая толком ничего сообразить, лупят ракетками по мячу, похожему на теннисный. Как я потом узнал, за год до моего приезда отель пе-

реоборудовал четыре своих теннисных корта в дюжину площадок для «пад'ы». Это перепрофилирование, о котором испанцы не удосужились сообщить российским партнерам, вполне оправдало себя финансово: площадки круглый год сдаются в аренду всем желающим из Фуэнхирола и ее окрестностей, и от любителей по-резвиться с ракетками отбоя нет. Но это не вся «пад'ость» администрации отеля: площадки сдаются ежедневно с 8 утра до 2 часов ночи (!). В день приезда, к 10 часам вечера под моим балконом собралось множество держателей абонементов — велосипедистов, мотоциклистов и автолюбителей, и громкая азартная тусовка «пад'менов» продолжалась до 2 часов ночи. В 6 утра я добился перевода в номер на другой стороне здания отеля, но начало поездки получилось удручающим.

Три следующих дня я пытался найти в окрестностях отеля хоть какие-нибудь корты, а заодно разузнать у местных, где найти бар, чтобы при случае выпить полбокала аутентичного Хереса. Испанцы, все как один, делали вид, что не понимают английского. Ситуация показалась мне странной, так как Испания — вполне теннисная держава, а Андалусия — родина Хереса. Мой английский не так уж плох, и я решил, что испанцы просто не любят все английское (даже язык) из-за Гибралтара.

И тут мне улыбнулась удача — я довольно близко познакомился с тем самым водителем, который привез меня из Малаги в Фуэнхиролу. Эстонец Алексей уже много лет жил в Фуэнхироле и работал в отеле водителем-экскурсоводом — возил российских туристов по достопримечательностям южной Испании и заодно выступал в роли русскоговорящего экскурсовода. Во время первой моей поездки с ним Алексей рассказал, что у андалузцев, кроме Гибралтара, есть еще один повод недолго любить все английское. Это

обида, уходящая корнями в историю культивирования и торговли андалузскими винами. На протяжении нескольких столетий Херес покупают и вывозят из Андалусии в основном англичане. Они называли крепленый Херес словом sherry (шерри) и даже беззастенчиво наладили его разлив в Англии ... под этим брэндом, а многие рядовые британцы и вовсе считают это вино своим. Поэтому в наши дни на этикетках бутылок с креплеными сортами Хереса слово Sherry стоит перед словом Херес.

От Алексея я узнал, как решить проблему Хереса, а также то, что в десяти километрах от отеля есть-таки фешенебельный теннисный CLUB DEL SOL Calahonda, но клуб этот — только для своих. О шахматном кафе он ничего не слышал, но охотно вспомнил, как несколько раз мальчишкой приезжал в Москву в составе сборной школьников Эстонии по шахматам. Рассказывая, как эстонская команда однажды разгромила сборную столицы, Алексей неожиданно возбудился: бросил руль и в юношеском восторге стал руками показывать, как они «вставили» надменным москвичам (кстати, водил микроавтобус он превосходно).

Поиски шахматного кафе, в котором я планировал сыграть «на ставку» пару партий, закончились забавной неудачей. Чтобы облегчить поиск, я написал на листочке крупными печатными буквами Chess cafe и показывал его прохожим. Этот прием, казалось, привел меня к успеху — через пару с лишним часов блуждания по Фуэнхироле я вышел на ... Сырное кафе!! Оказывается, жители славного курортного городка (надеюсь, они в очередной раз не издевались надо мной) слово chess (шахматы) дружно перепутали со словом cheese (сыр). Было досадно, но я заставил себя зайти в это заведение и не пожалел: «Сырная тарелка» — шесть видов отличного сыра с бокалом белого вина — оказалась превосходной!

Потерпев неудачу со своими теннисными и шахматными планами, я принялся колесить с Алексеем на микроавтобусе по испанскому югу. Писать здесь обо всех увиденных, но весьма скучных красотах, я, конечно, не буду. А вот упомянуть о примерно километровом, непритязательном на вид участке древнеримского дорожного полотна считаю необходимым. Он расположен вдоль дороги на маршруте Фуэнхирола-Кордоба. По моей просьбе Алексей остановил микроавтобус, и туристы-пассажиры детально рассмотрели этот типичной образец древнеримской дорожной инженерии: около 4 м в ширину и четыре слоя в глубину, которые просматриваются на обнажившемся срезе полотна, верхний слой — гладкие пригнанные камни. Кажется, эта дорога даже сегодня вполне пригодна для эксплуатации и не используется только из «музейных» соображений!

Октябрьское Средиземное море оказалось холодным, и я не почувствовал той магии, которой с детства наделял его благодаря незабвенным Куновским «Мифам Древней Греции».

Итак, я вернулся в Москву, не сделав ни одного удара по мячу и не сыграв ни одной партии в шахматном кафе, но с парой бутылок настоящего Хереса — Sherry Pedro Ximenez и Amontillado. Это, конечно, слабое утешение для теннисиста!

Глава 14. Теннис и шахматы

Неудачная метафора

Экс-мэру Москвы и большому поклоннику тенниса Юрию Лужкову, а также Гарри Каспарову, Шамилю Тарпищеву и бог весть кому еще приписывают авторство крылатого выражения «Теннис — это шахматы в движении». Оно стало расхожим слоганом и воспринимается всеми как очевидное. На базе своего теннисного и шахматного опыта попытаюсь развенчать эту красивую метафору, сбивающую с толку начинающих теннисистов. Читатель, добравшийся до этой главы, конечно же, заслуживает того, чтобы пропустить следующие довольно сложные рассуждения (они даны курсивом).

Критерии рассмотрения:

- *широта набора возможных вариантов (ударов/ходов), из которых надо сделать выбор в пользу предстоящего удара/хода;*
- *реальные временные ограничения на удар/ход*

Теннис

- *Расчет вариантов*

В теннисе каждый удар — это выбор конкретного решения из 2-3 своих возможных действий с учетом 1-2 возможных ответных действий соперника. На этом анализ игровой ситуации заканчивается, то есть «дерево своих ходов и ответов соперника» очень простое, и, следовательно, глубина анализа — минимальная.

- *Временные условия*

Постоянный острый дефицит времени (чаще всего — менее секунды на удар). Сказанное справедливо и для одиночного, и для парного тенниса.

Шахматы

▪ Расчет вариантов

В шахматах процедура расчета шахматистом почти каждого своего хода многоступенчатая.

Первая ступень (первый ход в любой исходной позиции): шахматист последовательно рассматривает каждый из своих 3-5 возможных ходов и совокупность «порожденных» каждым из них виртуальных ответов соперника (2-3).

Вторая ступень (второй ход): шахматист последовательно рассматривает возникшее разнообразие ситуаций после первого возможного хода и в каждой из них — как в исходной позиции — исследует свои возможные (вторые) ходы и соответствующие им новые совокупности ответов соперника по каждому из возможных (вторых) ходов и т.д.

Такой расчет осуществляется на глубину в 2-4 ступени — в зависимости от класса соперников. То есть «дерево своих ходов и ответов соперника» очень сложное, разветвленное и, следовательно, глубина анализа ситуации на доске — очень большая.

▪ Временные условия

Время для выбора конкретного хода зависит от формата шахматной партии — классические шахматы или быстрые шахматы.

В классических шахматах (на партию каждому шахматисту отводится 2-2,5 часа) на каждый ход приходится в среднем большое время, за которое надо провести расчет на 1-3 ступени расчета. То есть максимально глубокий анализ ситуации проводится в приемлемые и в какой-то мере контролируемые шахматистом сроки.

В быстрых шахматах (на блиц-партию шахматисту отводится 5 или 10 минут) на каждый ход приходится в среднем малое время, а глубина расчета существенно меньше. Но даже в блиц-партии шахматист может в любой критический момент «остановиться» — задуматься на 1-3

минуты и достаточно спокойно посчитать возникающие на доске варианты. То есть в быстрых шахматах небольшой по глубине анализ проводится за довольно короткое, но большее, по сравнению с теннисом, время.

Но есть еще один временной режим. И в классических (очень редко), и в быстрых (нечасто) шахматах случаются жестокие обоюдные цейтноты, когда оба шахматиста делают серии ходов, затрачивая на каждый ход долю секунды. То есть в жестоких обоюдных цейтнотах, как в теннисе, минимальный по глубине анализ проводится в остром дефиците времени.

Из сказанного следует, что уже поднадоевшая всем фраза «Теннис — это шахматы в движении», во-первых, совершенно не подходит теннису в варианте классических и быстрых шахмат и, во-вторых, с большой натяжкой подходит теннису в варианте обоюдного жестокого цейтнота. Натяжка в том, что игру в обоюдном жестоком цейтноте очень трудно считать шахматами.

Поскольку жанр метафор и слоганов не терпит никаких натяжек, выражение «Теннис — это шахматы в движении» совершенно неправомерно, и его следует «изъять из обращения».

Перезагрузка мозга

Чтобы снять утомление читателя от предыдущих рассуждений, упомяну о забавной закономерности, как будто опровергающей полученные выводы, — большинство моих друзей-теннисистов не только любят шахматы, но и хорошо играют в них! Возможно, эту закономерность легко объясняет моя простая гипотеза: головной мозг человека регулярно требует перезагрузки — от простого к сложному и обратно (в нашем случае — от тенниса к шахматам и обратно).

Самый сильный шахматист среди моих друзей-теннисистов — Юрий Айвазян, человек, прекрасно разбирающийся в теннисе и отличный организатор теннисных соревнований.

Справка

Юрий Нерсесович Айвазян — в прошлом член сборной СССР по гимнастике, мастер спорта СССР, в 90-е вице-президент Федерации тенниса Москвы и директор стадиона «Шахтер», теннисист-перворазрядник и автор полезной книги «Теннис после 30», директор Академии Тенниса на проспекте Вернадского в Москве

Мы часто встречаемся за доской, причем сначала играем 5-6 блиц-партий, а потом отставляем шахматные часы в сторону и играем без них — переводим мозг в режим глубоких размышлений, не обремененных временными ограничениями. То есть действуем вполне в духе предложенной в этой главе гипотезы о перезагрузке мозга.

Gens una sumus

Хочется сказать пару слов еще об одном известном слогане.

Gens una sumus (в переводе с латыни — «Мы все — одна семья») — давний девиз Международной шахматной федерации, утверждающий, что шахматы сближают людей всех континентов, служат делу мира и дружбы.

Я далек от мысли, что хоть сколько-нибудь серьезное соперничество и конкуренция, пусть и спортивные, объединяют соперничающих людей. Шахматы, особенно матчевые встречи, где многочасовое ежедневное сидение напротив соперника продолжается в течение месяца и более, никак не располагают к возникновению добрых чувств соперников друг к другу. Достаточно привести два примера-страшилки из любительских и профессиональных шахмат прошлого века:

- в 1959 на антарктической станции «Восток» некий советский ученый зарубил топором своего коллегу, проиграв ему долгую серию партий в шахматы. После этого московские власти запретили шахматы на всех советских исследовательских базах в Антарктиде (и это при том, что для работы на станциях отбирались люди с особо устойчивой психикой);
- в 60-70-е годы два гроссмейстера экстра-класса — чемпион мира Тигран Петросян и участник двух матчей за это звание Виктор Корчной — вели между собой ожесточенную борьбу ... ногами под шахматным столом в ходе очных шахматных партий (сомневаться в психическом здоровье обоих «бойцов», конечно, не приходится).

Организационно-финансовые склоки последних десятилетий в Международной шахматной федерации нанесли урон мировым

шахматам — рассорились ведущие шахматисты мира, уменьшились размеры спонсорских вливаний, меньше стало некоммерческих турниров и интерес к шахматам в СМИ снизился. Сегодня появилась еще одна напасть — участники соревнований то и дело обвиняют друг друга в использовании компьютерных подсказок в ходе партии (компьютерные программы стали играть сильнее живых шахматистов). Все это привело к падению популярности шахмат в мире. Исключение — Норвегия, где партии чемпиона мира Магнуса Карлсена транслируют на центральном телеканале страны.

Теннисные чиновники всех уровней тоже никак не могут поделить деньги, да и скандалов в структуре профессионального тенниса сегодня хватает, но популярность тенниса в мире неуклонно растет! Потребность людей выразить себя в движении и проходящие по всему миру очень популярные и не требующие больших затрат турниры разных категорий — парные семейные турниры, чемпионаты Европы и мира для ветеранов, выставочные турниры профессионалов («Европа — Остальной мир», «Европа — Америка», новые коммерческие турниры под эгидой Новака Джоковича, Муратоглы и Доминика Тима), турниры ученых и журналистов разных стран на международных конгрессах и форумах — приводят в теннис в качестве игроков и зрителей все больше людей.

Остановлюсь чуть подробнее на популярных во всем мире семейных турнирах, собирающих на кортах игроков нескольких поколений одной семьи. Юрий Нерсесович Айвазян впервые в России на протяжении семи лет (с 1997 по 2004) под эгидой Федерации тенниса Москвы и в рамках «Московского фестиваля тенниса» на кортах «Шахтер» организовывал и проводил парные семейные турниры в форматах:

«отец-сын против отца-сына»,
«дед-внук против деда внука»,
«мать-сын против матери-сына»,
«бабушка-внук против бабушки-внука»,
«мать-дочь против матери-дочери»,
«отец-дочь против отца-дочери».

Вот такой теннис действительно нужен людям, вот такой теннис укрепляет семьи и обеспечивает преемственность поколений. И такому теннису старинный латинский слоган *Gens una sumus* подходит в качестве девиза гораздо больше, нежели современным шахматам.

Глава 15. О ком я хочу рассказать отдельно

Эта глава о людях, оставивших в моей теннисной судьбе особый след.

Александр Ираклиевич Метревели

*Молодой
Александр Метревели*

С момента появления на союзных кортах подростка Алика Метревели я стал его ярким болельщиком и даже подражателем. Пластичность и естественность его действий на площадке восхищали меня. Он был общим любимцем и образцом и для всей нашей компании в Теннисном Городке Лужников. Неповторимый игровой стиль Алика Метревели — это стиль естественного артистизма и гармонии.

Справка

Александр Ираклиевич Метревели — экс-девятая ракетка мира, 29-кратный чемпион СССР в разных разрядах, змс, финалист Уимблдонского турнира 1973 в одиночном разряде, теннисный телекомментатор

В середине 90-х мне довелось взять парное интервью у Анны Дмитриевой и Александра Метревели, которые, как известно, не только блестяще играли в паре на кортах мира, но и на про-

тяжении многих лет вместе (реже порознь) комментируют на телевидении теннисные матчи самого высокого уровня.

Самая яркая часть интервью — воспоминания Анны Владимировны и Александра Ираклиевича об их выступлениях на крупных международных турнирах. Вот рассказ Дмитриевой о матче на Ролан Гаррос-1967:

«Нашим противником в полуфинале была сильная интернациональная пара Энн Джонс (Великобритания) / Ион Цириак (Румыния). Представитель федерации тенниса СССР (и, возможно, других структур) Эвальд Крее перед началом матча дал нам установку на игру: «Завтра заканчивается виза, у меня на руках ваши билеты на ночной авиарейс в Москву. Вы должны проиграть». Действительно, финал — только через день. Выиграть полуфинал и улететь домой накануне финала нельзя — это вызвало бы крупный скандал на турнире с последствиями в виде санкций в адрес нашей теннисной федерации. Но мы имели пять или шесть матчболов и каждый раз обращались к Крее: «Может, все-таки выиграть?». Тот категорическими жестами и мимикой показывал: «Ничего сделать не могу, проигрывайте». А на трибунах — полно потомков эмигрантов первой волны, которые специально пришли на наш матч. Они быстро поняли ситуацию и без стеснения стали кричать на полузабытом русском: «Выиграйте, пожалуйста! Мы с вами, мы вас любим!».

Метревели добавил, что однажды ему пришлось из страны проведения турнира вернуться на родину для продления визы и через несколько часов лететь обратно, чтобы едва-едва успеть на финальный матч.

А вот еще один интересный фрагмент того же интервью.

Интервьюер: «Как распределялись роли в вашем спортивном тандеме, где собрались два самых авторитетных игрока?»

Метревели, уважительно взглянув на Дмитриеву:

«Я ставил Анну Владимировну закрывать свой коридор и настойчиво просил ее не мешать мне. А сам, как это и положено мужчине, отвечал за всю остальную площадку и за результат».

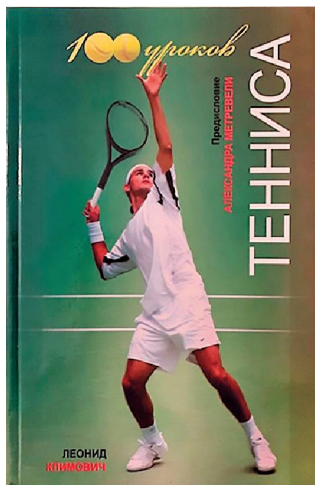
Александр Метревели и Анна Дмитриева

Эти реплики Метревели наводят на мысль, что он весьма жесткий партнер. Это, конечно, не так. Он деликатный и очень добрый человек, берущий в важном деле всю ответственность на себя.

В 2008 он охотно взялся написать предисловие к моей книге «100 уроков тенниса» (изд-во АСТ, 2009). Как я и ожидал, предисловие оказалось объективным и толковым и, конечно, спо-

собствовало читательскому успеху книги — два ее тиража разошлись довольно быстро.

Последние годы я постоянно смотрю телетрансляции наиболее важных турниров ATP и WTA. И делаю это, как правило, с выключенным звуком. Причина — отсутствие у комментаторов элементарной культуры ведения репортажа. Их безмерный патриотизм и неуместный смех попеременно с еще более неуместными фактами собственной биографии заслоняют суть происходящего на корте. Единственное приятное исключение — репортажи Метревели, взвешенные, беспристрастно-доброжелательные и, конечно же, очень профессиональные! Спасибо Вам за все, Александр Ираклиевич!

*Обложка моей книги
с предисловием
А.Метревели*

Семен Павлович Белиц-Гейман

Семен Павлович — 2-кратный чемпион СССР в паре (1954 и 1956), заслуженный тренер СССР (1970), главный методист российского тенниса, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой тенниса в Институте физкультуры. Его книга «Теннис» (1977) стала эпохой в развитии этой игры в СССР. Все поколения советских теннисистов 80-90-х — профессионалов, тренеров и игроков-любителей — обязательно обращались к ней. Она помогла и мне при написании всех трех книг по теннису («Теннис — это несложно (2005)», «100 уроков тенниса» (2009), «Грации на корте» (2010)).

Анна Дмитриева, Андрей Потанин и Семен Белиц-Гейман, 1958

Всем советским теннисистам хорошо известна фраза Семена Павловича: «Освоение техники тенниса наших дней чрезвычайно трудоемко и требует такого же кропотливого труда, как, например, труд музыканта или артиста цирка».

Обучаясь на организованных Семеном Павловичем в Институте физкультуры курсах инструкторов по специализации «Теннис», я восхищался чудесной творческой атмосферой, которую Семен Павлович создал на кафедре, а также квалификацией и подбором преподавателей. Он был скромным и душевным человеком, по-отечески относился к студентам. Без его помощи и поддержки перевод моего сына Вадима из Гидромелиоративного института в Институт Физкультуры на кафедру тенниса был бы невозможен.

Антон Борисович Серебряков

Ей-Богу, с хирургами мне везет. Антон Борисович Серебряков — мировая звезда суставной хирургии, заведующий отделением ортопедии института федерального уровня в Москве. Пять лет назад он блестяще сделал мне две операции и в буквальном смысле слова во второй раз в моей жизни вывел меня на корт. Возвращение в теннис после замены двух тазобедренных суставов — случай неординарный (например, Э.Маррею год назад прооперировали только одну ногу, и он вернулся на корт . . . но надолго ли, ведь нагрузки у профессионалов очень велики). Антон Борисович, как он мне сказал недавно, на научных конференциях с гордостью рассказывает коллегам о своем пациенте-теннисисте, который после двух операций вернулся на корт. Он и сам немного играет в теннис, но пока нам не удалось встретиться на корте.

Антон Борисович Серебряков

Евгений Неплюев и Николай Федулов

Евгений и Николай — не только мои товарищи по спорту. Они мои друзья, и рассказ о них — прекрасный повод выразить благодарность им за нашу многолетнюю дружбу.

Кроме тенниса нас троих объединяла любовь к футболу и шахматам. Лучший теннисист в нашей тройке — конечно, Женя. В футбол и Женя, и Николай играли превосходно, причем Женя, помимо отличной техники, обладал редким даром — умением организовать командную игру . . . однако я, пожалуй, увлекаюсь — эта книга все-таки о теннисе.

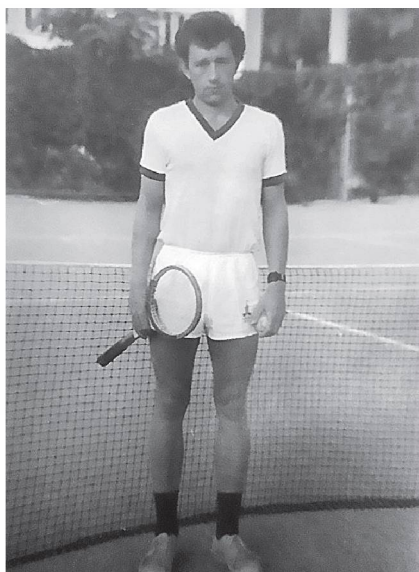
К талантам своих друзей — в спорте, науке или писательстве — я всегда относился с искренним почтением. Теннисным трюкам Жени и футбольным финтам Жени и Коли я даже старался научиться. Но — куда там! Оставаясь наедине с каждым из них, я не раз спрашивал, как им удалось «выстроить фирменные движения» в теннисе (футболе). Но всякий раз слышал искренние и даже немного смущенные ответы в духе: «Толком не помню — вышел на корт (футбольное поле), и всё как-то само собой получилось ... и получается до сих пор. Никогда не задумываюсь об этом». Наверно, такой же ответ получил бы какой-нибудь вдумчивый художник-венецианец, спроси он у Каналетто, как тот добивается феноменальной прозрачности мазка. Да, научиться гениальности невозможно.

Евгений Александрович Неплюев

Справка

Женя родился во Владикавказе в 1949 г. в семье участников ВОВ — офицера Александра Петровича Неплюева и Валентины

Федоровны. Все детство провел в переездах из города в город — по Союзу и соседним странам, сменил за 10 лет 11 (!) школ. За эти годы умудрился: стать классным шофером (водил грузовик и даже ремонтировал его), освоить на высоком уровне футбол и теннис, выиграть юношеский чемпионат Узбекистана по теннису в парном разряде и стать финалистом в одиночном разряде, а также поступить в Бауманский институт в Москве

Евгений Неплюев эпохи развитого социализма

Женя — вдумчивый ученый, кандидат технических наук, прирожденный спортивный универсал и лидер всегда и везде — на корте и на футбольном поле, в хоккейной коробке и на волейбольной площадке. За все годы нашего теннисного общения я лишь дважды сумел выиграть у него. В последнее время мы не встречаемся на корте, но по телефону обсуждаем события в мире, а по электронной почте обмениваемся собственными литературными зарисовками, причем Женнины опусы я оцениваю высоко.

Но главное — он остается моим надежным товарищем, и я всегда могу положиться на него.

На мое 50-летие Женя вручил мне дорогой подарок — картонную коробку с шестью неигранными белыми мячами ленинградской фабрики «Красный треугольник», на каждом мяче надпись

«Ленинград». Часто в детстве, задолго до открытия мною тенниса, я бегал в магазин «Динамо» на улице Горького 56, чтобы купить за 44 копейки именно такой белый мяч (причем Пломбир стоил 19 копеек), а потом бережно нес его домой, вдыхая ошеломляющий запах шерсти, — наверно, это было предвосхищение чуда! Именно такими белыми мячами мы играли в теннис все наши молодые годы*.

В мою память навсегда впечатался трюк Евгения из нашего матча на «Шахтере» примерно 40-45 лет назад: в ходе розыгрыша Женя вышел к сетке, но я перебросил его глубокой свечой в правый от него угол корта и сам пошел к сетке; Женя бросился за мячом и догнал его уже на задней линии у коридора; затем подпрыгнул, в воздухе развернулся и выполнил сильный смэш; мяч пролетел низко над сеткой, слева от меня, впритирку к левой боковой линии корта и вонзился в корт у задней линии; я, стоя у сетки, восхищенно проводил его глазами. Можно ли повторить такое? На Australian Open 2020 что-то похожее исполнил Джокочич, но его смэш, ей-Богу, вовсе не был убийственным, как тогда у Жени.

Человека, не знакомого с теннисом, удивит столь подробное описание, казалось бы, рядовой игровой ситуации. Но в этом эпизоде уложилась вся суть игры — нейромышечная гармония и техническое совершенство, внимание и мышление ... и поэтому он вызывает у меня не угасающий со временем восторг.

* С 1870-х теннисные мячи во всем мире были белыми (редко — черными). С развитием телевидения появилась необходимость в более ярких мячах, и в 1972 Международная федерация тенниса (ITF) ввела стандарт желтых мячей (консервативный Уимблдон играл белыми мячами до 1986). «Красный треугольник» отказался от производства теннисных мячей, и СССР перешел на закупку желтых мячей на Западе

Поздравляя Женю с 70-летием, я вручил ему стихотворный опус собственного сочинения, где, конечно, упоминается его теннисный талант, и напомнил ему описанный только что игровой эпизод. Он улыбнулся и сказал, что прекрасно помнит его.

Николай Владимирович Федулов

Справка

Николай родился в Москве, в семье офицера Владимира Петровича и врача Марии Николаевны. С детства обнаружил большие способности к иностранным языкам, теннису и футболу (превосходно владеет обеими ногами). Еще в 10-м классе он получил приглашение в молодежную команду столичного «Локомотива», но, уступив настояниям родителей, поступил в Бауманский институт и стал хорошим конструктором (много лет спустя Николай по собственному проекту построил себе 2-этажный дом)

Начав с теннисных контактов, мы быстро подружились — наши взгляды в молодые годы и сегодня совпадают в главном. Он не раз выручал меня в трудных житейских ситуациях.

На свадьбу Коли и Татьяны я придумал и оформил подарок, который мы, теннисисты института, вручили молодоженам. Он представлял собой запечатанный конверт большого формата из плотной бумаги. В конверте была упакована дюжина центральных газет, вышедших именно в день их свадьбы. Молодожены этого, разумеется, не знали. Надпись на конверте гласила: «Татьяне и Николаю в день их свадьбы от теннисистов Вооруженных сил. Конверт вскрыть в день 20-летия вашего бракосоче-

тания». Ниже на конверте расположились подписи дарителей-теннисистов — Жени, моя, Миши Катеринича и Славы Завадского. День в день, через 20 лет, Коля позвонил мне и рассказал, что содержимое конверта произвело на него, жену и их близких

Николай Федулов: колун по-прежнему актуален

ошеломляющее впечатление — ведь все жили в уже совсем другой стране!

В последние годы мы часто обсуждаем по телефону наши житейские коллизии, советуемся. Если таковых нет, предаемся воспоминаниям или рассуждаем о жизни и искусстве — благо теперь на это у нас есть время. Так, недавно мы провели телефонную дискуссию на тему «Четыре экранизации «Мастера и Маргариты». Сравнительный анализ». После сопоставления игры разных актеров-исполнителей каждой роли, а также анализа режиссерских заимствований, мы погрузились

в обсуждение философской сути самого романа. Впрочем, пора вернуться к теннису.

Уже несколько лет Николай с группой любителей тенниса раз в неделю сражается на корте, при этом умудряется анализировать и совершенствовать свою игру. Недавно по электронной почте он сообщил мне о своем небольшом «открытии»:

«Ты знаешь, я живу загородом. Мне часто требуются дрова для камина. Чтобы разбить большое полено, я использую колун-кувалду на длинной ручке. Бить колуном тихо — бессмысленно. Для нанесения сильного удара надо поднять колун максимально вверх и прогнуть спину. Хорошая растяжка и прогиб спины схожи с состоянием тела при подаче в теннисе. Далее надо с возможно большей резкостью обрушить колун в намеченную на полене зону. Как-то так получилось, что я, играя в теннис, я аккуратничал, боялся ударить сильно из-за возможного промаха. Метод «колуна» помог мне преодолеть этот многолетний страх».

Уверен, что эта бесхитростная методическая разработка полезна многим, кто робеет на корте и не знает, что для усиления подачи и ударов с отскока нужны не накачанные мышцы, а использование законов механики. Как бы то ни было, сегодня Николай играет мощнее, чем в молодости. Дай ему Бог!

Виктор Александрович Бойченко

В начале 2000-х я познакомился с Виктором Александровичем Бойченко, фанатом тенниса и талантливым ученым из Института Проблем управления, в котором я проработал первые два года после Университета. В Институте по-прежнему любят теннис, и на его территории уже почти полвека располагаются два грунтовых корта неплохого качества. Вот на них-то, благодаря Виктору, и проходит моя теперешняя теннисная жизнь.

Наше теннисное сотрудничество с ним разнообразно. Мы не только играем на счет, но и увлеченно работаем на площадке — отработываем отдельные технические элементы, осваиваем известные ранее и придуманные нами упражнения, тренируем тактические схемы игры, анализируем кинограммы профессионалов, обмениваемся теннисными методическими и светскими новостями. Могу сказать, что в мою жизнь вернулись теннисные лужниковские семинары из моей молодости.

Мы испытываем огромное удовольствие от совместной работы и на практике видим, как углубляется наше понимание тенниса. И пока я могу выходить на корт, эта работа будет продолжаться.

Татьяна Алексеевна, моя жена

Последние семь лет рядом со мной — и в испытаниях, и в радости — моя Татьяна. Таня — гениальный кулинар и кондитер, она прекрасно разбирается в гаджетах, айпадах и айфонах, без усталости интересуется искусством, а также безошибочно угадывает, кто злодей в любой запутанной кино-интриге. Она — светлый человек, который поддерживает во мне интерес к жизни. Благодаря ей я по-прежнему в теннисе.

Татьяна научилась немного играть в теннис и нередко выходит со мной на корт. И еще важно, что она стала хорошо разбираться в мировой теннисной кухне. Нам интересно вместе. Низкий ей поклон.

Виктор Бойченко, моя жена Татьяна и я

Глава 16. Короткая прогулка в детство

В конце лета 2020 я и Татьяна решили заглянуть в северную часть Лужников и узнать, как выглядит сегодня мой родной Детский Городок.

Вошли на территорию стадиона Лужники, миновали Дворец спорта, который внешне совсем не изменился, но превратился, как следует из надписи на его фасаде, в «Государственный Центральный концертный зал «Россия» (куда уж нынче без эстрады !?). Пошли далее на север по асфальтовой дорожке между зелеными насаждениями. Кое-где через кусты просвечивали теннисные корты, на «синтетической траве» которых играли арендаторы. И тут я увидел впереди небольшую современную трибуну — как раз на месте прежней южной стороны-трибуны административного здания Детского Городка, амфитеатром спускавшейся к футбольному полю, на котором в те годы базировалась знаменитая Футбольная школа молодежи. Теперь это — Спортивный Городок с новой трибуной и новым, разумеется, синтетическим футбольным полем.

Мы обошли здание слева, как это делал некогда и я, весело спеша на занятия. И, о чудо!! С северной его стороны, напротив входа в здание, на том же месте, что и прежде, я увидел оранжевый кусок земли — два старых грунтовых корта! Как ровно 61 год назад, когда приехал сюда с мамой «записываться» в теннисную секцию, я прильнул к проволочному ограждению. Да-да — это два «моих» корта, и на них по-прежнему работает детская теннисная секция. Но теперешние, прекрасно экипированные мальчишки и девчонки, совсем не похожи на меня и моих товарищей по секции: исполненные какого-то неведомого нам самоуважения, они с пугающей методичностью и нарочитой небрежностью, без какого-либо

озорства или выдумки лупили по многочисленным желтым мячам (невольно вспомнил, как бережно относились мы к каждому белому ленинградскому мячу), причем слева ловко выполняли только удар двумя руками, который, разумеется, был немислим 60 лет назад.

Ближний корт освободился, я вышел на него, прислонил ладонь к родному грунту, подошел к сетке. Таня сфотографировала меня. Но появились подростки с корзинами мячей, и я с грустью покинул сектор. Мы обошли его слева и оказались на набережной Москвы-реки. Я частенько приходил сюда в ожидании своей очереди выйти на корт. Набережная почти не изменилась — то же каменное обрамление, те же зеленые многоэтажные заросли на крутом противоположном берегу. Правда, прогулочные суда стали куда крупнее и роскошнее, а справа, далеко-далеко за привычной зеленью другого берега виднелись гигантские претенциозные «винтовые» здания Москвы-сити, которые душа отказывалась принимать. Я сфотографировал жену у парапета, и по набережной, повторявшей изгиб реки, мы отправились в обратный путь к метро.

На душе было неуютно — будто я наконец-то посетил друга своего детства, который заронил в меня неугасимый свет очарования игрой и с которым я много-много лет назад безоглядно расстался, чтобы отправиться в длительное путешествие по жизни.

На этом корте 61 год назад я сделал первый удар по мячу

Глава 17. Что я думаю о профессиональном теннисе. Как его осовременить

Позволю себе изложить свои взгляды на некоторые аспекты современного тенниса и сформулировать предложения по корректировке существующих правил игры. Надеюсь, это не будет воспринято как морализирование или старческое ворчание.

Предлагаемые мною поправки в правила тенниса

Переговоры игроков с тренером

На турнирах АТР и WTA звезды первой величины беззастенчиво и безнаказанно оказывают мощнейшее давление на судей, вступают с ними в некрасивые споры. Особенно «продвинута» в этом отношении С.Вильямс. Судьи на вышке, по-видимому, боятся лишиться хорошо оплачиваемой работы и закрывают на это глаза. Мало кто из них (примеры единичны) отваживается отстаивать «букву закона». Наиболее наглядное нарушение правил — запрещенные, но неприкрытые переговоры (жестами или голосом) играющего теннисиста с тренером, который сидит в первом ряду vip-трибуны, в максимальной близости к корту. Мало того, у многих игроков на верхних рядах имеются живые «регистраторы», которые жестами дают знать игроку, брать или не брать челлендж («повтор» падения мяча), причем контакт игрока с «регистратором» хорошо виден даже телезрителям. Очевидно, что все эти нарушения ставят игроков в неравные условия (например, игрок, приехавший на турнир без тренера, не имеет такой поддержки).

Классический пример недопустимого поведения команды одного из игроков — действия отца Шараповой и ее тренера-американца во время ее матча с Надеждой Петровой в 2002. Эти лица не только беззастенчиво давали советы своей подопечной, но и позволяли себе кричать гадости «под руку» подающей или принимающей Петровой. В ходе горячего выяснения отношений после матча тренер-нидерландец Петровой усадил отца будущей примадонны в мусорный бак, за что был дисквалифицирован. Отмечу, что мои симпатии полностью на стороне нидерландца.

Удивительно, но все такие консультации позволяют себе в основном самые сильные игроки. Так, общие любимцы Р.Надаль и С.Циципас частенько задерживаются у фона, под *vir*-трибуной и слушают советы своих тренеров.

На выставочном турнире в Академии Патрика Муратоглы летом 2020 переговоры игроков и тренеров велись открыто в перерывах между геймами по телефону, что можно считать явно неудачным экспериментом.

Мне эти подсказки во время матча в любой их форме кажутся неприемлемыми для профессионального тенниса: мировая звезда, получающая баснословные гонорары и считающая себя почти божеством, не имеет морального права в ходе соревнования, подобно новичку, пользоваться подсказками тренера.

Чтобы избавиться от всех этих «неприглядных» сторон королевской игры, предлагаю:

- *размещать тренеров и команды игроков не в первом ряду *vir*-трибуны — непосредственно у корта, а гораздо выше, там, откуда вести переговоры с игроком просто невозможно;*
- *за обращение игрока к «регистратору» моментально лишать этого игрока очередного челленджа.*

Эти меры вполне демократичны и позволят без скандалов обеспечивать равноправие перед теннисным законом всех участников соревнований.

Реформа правила двух подач

Считаю необходимым реформировать правила подачи:

- *первую подачу в случае, если мяч коснулся сетки и попал в поле подачи, не переигрывать и продолжать розыгрыш очка;*
- *отменить вторую подачу.*

Такая реформа подачи внесет в игру динамичность и дополнительную остроту, так как породит больше экстремальных игровых ситуаций. Кроме того, отсутствие второй подачи заставит теннисистов-великанов (таких как хорват Иво Карлович, американцы Джон Изнер и Рэйли Опелка) быть осторожнее на первой подаче, то есть лишит их «незаслуженного» ростового преимущества в этом элементе игры.

Кстати, правило не переигрывать касание сетки при подаче сделало современный волейбол очень динамичным и зрелищным.

Изменения формата сета

Непредсказуемая длительность матчей в современном теннисе создает ряд неразрешимых проблем: игроки подолгу ждут выхода на корт в раздевалке; организаторы турниров перетасовывают расписание матчей, а телевизионщики — перекраивают сетку вещания; зрители с маленькими детьми уходят с матчей до их завершения.

Между тем, по-настоящему бескомпромиссная борьба в сете очень часто начинается при счете 4:4, то есть до этого счета игроки «держат свою подачу», ход игры предсказуем, и смотреть на это не интересно.

Еще раз обращаюсь к своим впечатлениям от турнира профессионалов в Академии тенниса Муратоглы под Ниццей (июнь-июль 2020).

На мой взгляд, суперплотный временной регламент этого турнира раскрыл новые динамические возможности тенниса, придал ему новые интригующие краски и доказал свою уместность как волнующая блиц-альтернатива традиционным официальным турнирам. Однако некоторые новшества в регламенте, очевидно, неприемлемы для турниров АТР и WTA: 15 секунд на подачу и полное отсутствие опции челленджей выглядят чрезмерно жесткими, а несколько типов эпизодических хитроумных поправок в правила игры («карточек»), чересчур «театральны» и усложняют восприятие игры зрителями.

Учитывая все сказанное, считаю целесообразным формат классического сета сократить вот таким образом:

играть до выигрыша одним из игроков 4 (или 5) геймов; при счете 3:3 (или 4:4) разыгрывать обычный или чемпионский тай-брейк.

Такой формат четко обозначит границы продолжительности матча и сделает актуальной борьбу «за каждое очко» на протяжении всего сета. И то, и другое наверняка очень понравится зрителю.

Как обстоят дела с этикой современного тенниса

Допустима ли атака в туловище соперника?

Сильные удары, направленные в туловище соперника в ходе соревнований, используются давно и везде, в том числе и в нашем отечестве. Так, по словам Анны Дмитриевой, даже такой теннисный джентльмен как Николай Озеров не давал на корте спуску женщинам, и она всегда опасалась, что после его очень сильного форхэнда мяч полетит в нее. Но Анне Владимировне доставалось не только от Николая Николаевича.

Мне довелось увидеть удивительный матч чемпионата СССР 1967 г.: А.Дмитриева / А.Метревели — З.Янсоне / С.Лихачев.

Лучший парный советский игрок Сергей Лихачев с самого начала игры стал охотиться на Дмитриеву (направлять удары в ее туловище), чтобы наказать ее «за предательство» — переход к другому партнеру (никакой «вины» Дмитриевой в этом, конечно, не было — в конце 1966 Федерация тенниса СССР в целях экономии валютных средств в приказном порядке перевела Анну Дмитриеву из сильнейшей пары страны А.Дмитриева / С.Лихачев в пару к Александру Метревели). Довольно быстро Лихачеву удалось «сразить» оказавшуюся у сетки бывшую партнершу сильным ударом. Метревели возмутился и сразу же вознамерился отомстить обидчику — он стал направлять мячи только в туловище Лихачева. Это был не теннис, а целенаправленная стрельба с обеих сторон по движущимся мишеням, хотя трое из игравших давно и хорошо знали друг друга, а Метревели и Лихачев были еще и постоянными партнерами в паре в составе сборной страны.

По моим наблюдениям, количество сильных ударов в туловище игроков в парном теннисе (особенно в женских парных соревнованиях!) в последние годы значительно увеличилось. Преднамеренные атаки в туловище соперника нередки и в одиночных соревнованиях (например, в матче Энди Маррей — Джо-Вильфред Цонга на Ролан Гаррос-2016 шотландец с линии подачи сильно пробил в пах французцу, находившемуся на линии подачи своего корта. Цонга мгновенно рухнул на корт и несколько минут приходил в себя).

Австралиец Ник Кирьос, проигравший Рафаэлю Надалю во втором круге Уимблдона-2019, попал мячом в соперника и не извинился. Он так пояснил свои действия: «Да, я хотел попасть ему прямо в грудь ... Я вообще не попал в него, мяч попал в ракетку. Рафа выглядел недовольным? Мне всё равно. У этого парня так

много титулов на „Шлемах“. Как много у него денег? За что мне извиняться? Я не буду извиняться». Как видим, позиция этого маэстро не имеет никакого отношения к этике.

Ясно, что сильные удары в туловище соперника могут нанести ему серьезную травму и поэтому совершенно неэтичны, но они приносят очевидный тактический успех.

Таким образом, возникает противоречие между безопасностью игроков, находящихся у сетки, и стремлением их оппонентов выиграть «любой ценой». Можно ли как-то смягчить ситуацию в целях снижения риска травм?

В любительском теннисе противоречие разрешается очень просто:

во-первых, игрокам со слабой игрой с лета и замедленной реакцией на мяч, что наиболее характерно для детей и женщин-любителей, в целях безопасности категорически не следует занимать позицию близко у сетки (мои предложения по безопасности участников представлены в п.2 Приложения);

во-вторых, все игроки-любители должны усвоить, что атаки в туловище соперника совершенно недопустимы.

В профессиональном теннисе ситуация сложнее.

Здесь этика отступает на третий план. Удары с близкого расстояния в женщину-соперника (у теннисисток, как правило, время реагирования на мяч больше, чем у мужчин) — чуть ли не главная стратегия в миксте. Такие удары не запрещены правилами и остаются... на совести выполнивших их игроков.

Чтобы не полагаться «на совесть игроков» в таком важном деле как безопасность участников и уменьшить риск травм, предлагаю «правило двух полукортов».

Справка-пояснение к правилу

сильный удар в соперника — это быстро летящий мяч (примерно 120-130 км/час), попавший в соперника или очевидно направленный в него (профи вряд ли может попасть в соперника случайно);

часть корта между сеткой и линией подачи, продолженной на коридоры (включая саму линию подачи), — это «полукорт»; соперник, в которого бьющий направил мяч, — это «потенциальная жертва»

Правило двух полукортов

Если бьющий выполняет сильный удар из своего полукорта в «потенциальную жертву», находящуюся на ее полукорте, то ситуация считается опасной, а бьющий является нарушителем данного правила;

если хотя бы один из игроков пары «бьющий — потенциальная жертва» или оба игрока из этой пары находятся за пределами своих полукортов, то ситуация считается безопасной, а бьющий в соперника не считается нарушителем.

В случае нарушения этого правила судья останавливает игру и снимает с выполнившего такой удар теннисиста очко.

Этична ли укороченная подача снизу?

Резаная укороченная подачи снизу — тот самый технический прием, который я полюбил в августе 1959 на первом увиденном мною теннисном матче. В СССР эта подача получила популярность среди игроков и зрителей с конца 30-х и называлась «загорянской резаной подачей снизу». Именно на кортах подмосковной

Загорянки превосходным исполнителем этой подачи стал будущий многократный чемпион страны Николай Озеров.

Современным зрителям этот удар почему-то не нравится. Например, в 1999 публика на центральном корте Ролан Гаррос освистала свою тогдашнюю любимицу Мартину Хингис за неожиданно выполненную укороченную подачу снизу. В теперешней элите большой любитель подачи снизу — Ник Киргиос. В Акапулько-2019 в матче против Р. Надаля он коротко подал снизу, при этом Надаль стоял по своему обыкновению почти у фона. Публика и испанец были возмущены «выходкой» австралийца. После проигранного матча Рафа заявил, что такая подача — акт неуважения к сопернику и публике (?). А вот Р. Федерер в разгоревшейся по этому поводу дискуссии выразил мнение, что этот тактический прием вполне уместен, особенно если принимающий стоит далеко за задней линией.

На мой взгляд, укороченная подача снизу — вполне корректна и с тактической, и с этической точки зрения, ведь никто еще не додумался считать неэтичным укороченный удар с отскока или с лета. Напротив, такие неожиданные действия, в том числе и короткая подрезанная подача снизу, вносят в каждый розыгрыш дополнительную интригу и, конечно же, украшают игру! Так что публика, осуждая подачу снизу, сама себя лишает незабываемых эмоций.

Современный профессиональный теннис и зрелищность

Мужской профессиональный теннис

Смотрю мужские матчи и с огорчением констатирую: подавляющее большинство игроков соревнуется в атлетическом обмене ударами с задней линии или в том, кто больше наколотит эйсов.

Да простят меня ценители современной силовой игры, но невольно возникает ассоциация с известной всем деревянной детской игрушкой «кузнецы»: два дюжих молодца без устали по очереди дубасят по наковальне . . .

Нет, это не зрительская тоска по стилю «serve-volley», это желание увидеть вариативный теннис, где мощные удары чередуются с «умными» косыми кроссами средней силы, с укороченными ударами и кручеными свечками под неудобную руку соперника. Конечно, такую игру еще можно увидеть (Н.Кириос, А.Долгополов, отчасти Г.Монфис, Р.Федерер, Н.Джокович, Д.Тим), но она неумолимо уступает место откровенному атлетизму. Невольно вспоминаю теннисный цирк Крамера, где все эти элементы игры наполняли каждый розыгрыш, что, на мой взгляд, и является сутью тенниса.

Женский профессиональный теннис: прощай, изящество?

Болельщики со стажем еще помнят Габриэлу Сабатини, совсем недавно выходили на корт яркие звезды — Мартина Хингис, Агнешка Радванска и Флавия Пенетта. В их арсенале были, разумеется, и сильные удары, и элементы атлетизма (например, Сабатини превосходно исполняла твинер), но они не доминировали в их игре. Фирменным стилем названных звезд были гибкость мышления, элегантность и какой-то естественный, вполне ощутимый эротизм. Эти качества индивидуальны, их нельзя поставить на поток. Именно этим Сабатини и Хингис, Радванска и Пенетта привлекали и восхищали публику.

Однако практически все современные женщины-профи и их тренеры делают ставку на силовую игру и атлетизм. И это действительно приносит очевидный результат, правда, видеть атлетиче-

скую, почти мужскую игру в исполнении женщин скучно, и зрительский интерес к женскому профессиональному теннису закономерно падает. При этом из игры уходят изящество, неожиданные решения и выдумка. Но что поделаешь — в наши дни акцент на атлетизм женщин-спортсменок характерен для многих видов спорта.

Из действующих теннисисток изящество просматривается, например, в игре Юлии Гергес, Полоны Герцог и Айлы Томлянович, но они не выдерживают конкуренции с мощными силовыми соперницами. Похоже, что любой баланс изящества и атлетизма в наши дни объективно неконкурентоспособен.

Приходится констатировать — изящество, элегантность и подкупающий эротизм женской игры ушли в прошлое. И эти потери невозможно восполнить повальной и откровенной демонстрацией современными теннисистками круглых ягодич.

Комментирование тенниса

Комментирование тенниса уже упоминалось в Главе 15, но считаю, что на культуре ведения репортажа стоит остановиться подробнее.

Может ли комментатор публично демонстрировать свои симпатии и по своему разумению приписывать зрителю то или иное мнение? Убежден, что комментатор должен быть беспристрастным и одинаково благожелательным ко всем участникам комментируемого спортивного действия и, уж конечно, не навязывать зрителю свое мнение. По-моему, это закон жанра. Даже тогда, когда спортсмен «защищает честь национального флага» (придумка, оправдывающая финансирование государством профессионального спорта), комментатор должен быть объективным и раскрывать

в репортаже только суть спортивной борьбы, подчеркивать незаметные обывателю тонкости происходящего. Это основы культуры ведения репортажа.

Но у подавляющего большинства отечественных теннисных комментаторов эта культура отсутствует. Они совершенно искренне убеждены, что абсолютно ВСЕ российские телезрители болеют только за представителей России или, на худой конец, за бывших россиян, которых приютили Германия или Австралия, а также за представителей бывших союзных республик. Но в России есть и те, кто имеет другие критерии «боления». Я, например, болею в теннисе (впрочем, как в шахматах и футболе) за тех игроков, которые симпатичны своей игрой, поведением на корте и высказываниями в СМИ. Не люблю наглую С.Вильямс, высокомерных Шарапову и Медведева, но симпатизирую Юлии Гергес, Андрею Кузнецову и Новаку Джоковичу.

Нашим теннисным комментаторам наконец-то надо понять, что телезрители — не подразделение солдат срочной службы, привезенных на пункт голосования и под присмотром командира голосующих за указанного кандидата, и признать право телезрителей на свое мнение.

Предложения по выбору матчей для показа на телевидении

Работа отечественных телережиссеров канала Eurosport, выбирающих матч для очередной трансляции — прямой или в записи, на мой взгляд, неудовлетворительна.

Телезритель хочет увидеть наиболее интересные матчи, а ему предлагают матчи с обязательным участием российского

теннисиста (теннисистки). То, например, что с декабря 2019 по март 2020 около 20 раз (!) на канале прокручивали запись матча Д.Медведев — Р.Надаль на US Open, считаю издевательством над зрителем, заплатившим, кстати, за это издевательство деньги. Неужели в архивах компании Eurosport нельзя было найти что-либо не менее интересное, пусть даже 15-20 летней давности?

Предлагаю возможный критерий объективного выбора материала для показа на телевидении — *наибольший суммарный текущий рейтинг участников матча, а в случае какого-то форс-мажора — безоговорочно интересный матч из истории мирового тенниса*, скажем, матч 1995 года Андрей Чесноков — Михаэль Штих, который современная молодежь не могла видеть вживую.

Утренняя или вечерняя сессии: предложения по времени проведения матчей профессионалов

Наиболее интересные матчи организаторы профессиональных турниров ставят на вечерние часы, когда не так жарко, как днем, — в расчете на максимальные сборы за билеты. Так, Р.Федерер и С.Вильямс систематически играют именно в вечернюю сессию. Но такая забота организаторов о доходах вступает в противоречие с провозглашаемым соблюдением равных прав для всех участников соревнований. Кто-то скажет, что звезды своими высокими результатами заслужили право играть вечером. На это есть простое возражение — более рейтинговые теннисисты и без того имеют существенное преимущество перед менее рейтинговыми игроками — за счет осуществляемого «посева».

Как же организаторам обеспечить справедливое расписание для всех участников турниров? Думаю, единственный путь —

скрупулезный учет для каждого участника предстоящей встречи количества матчей, проведенных им днем и вечером на данном турнире.

Гонорары профессионалов

С недавних пор рядовые любители тенниса стали очень хорошо разбираться в заработках теннисных звезд из 1-ой мировой сотни.

Да, гонорары и совокупные заработки теннисных суперпрофи — текущие и за карьеру — существенно выше, чем в большинстве видов спорта. Обсуждать или осуждать справедливость этого я не берусь. И все же факт чрезвычайно высоких гонораров в профессиональном теннисе меня очень беспокоит вот в каком отношении. Состоятельные и прагматичные родители в России, предвкушая будущие гонорары детей, буквально загоняют своих 4-5-летних чад в теннис. В большинстве случаев такое «принудительное» приобщение детей к теннису наносит им непоправимый вред — дети приобретают устойчивую неприязнь не только к теннису, но и к спорту вообще.

Если же дети к 12-13 годам сами загорятся мечтой о профессиональной карьере, то им и их родителям необходимо понять, что профессиональный теннис — это тяжелая работа и что жизнь теннисного профессионала, не входящего в первые две мировые сотни, очень трудна (чтобы убедиться в этом, достаточно в поисковике Yandex найти и внимательно прочесть очень искреннее интервью с Анной Моргиной: «Русская теннисистка в Египте...»).

Эпилог

Моя жизнь богата яркими и волнующими увлечениями. Одни из них продолжались всего несколько лет, другие живут во мне с юности до сегодняшних дней. Все они важны для меня и все как-то гармонично сочетались с теннисом, который был и остается моей главной страстью. Вот уже более 60 лет я выхожу на корт с волнением первооткрывателя, и моя душа и тело сливаются в первозданном восторге.

Таня и я стоим на балконе, смотрим вниз, в опустевший двор (пресловутая «самоизоляция»), на могучий ясень, который как ни в чем не бывало надевает новую зеленую крону; пытаемся услышать, как перешептываются на ветру его распутившиеся листочки; представляем, как гуляем по весенней Таганке или как снова выходим на корт и делаем долгожданные удары по мячу . . .

*Подбросить мяч, назад согнуться,
молниеносно развернуться,
и струнной плоскостью плеча
скользнуть по темени мяча,
и, ринувшись, ответ свистящий
уничтожительно прервать, —
на свете нет забавы слаще...
В раю мы будем в мяч играть.*

*Владимир Набоков,
«Университетская поэма»*

Таня и я

Приложение. Мой «вклад» в теннис

1. Твинер (tweener)

Публика любит, когда игроки выполняют твинер — удар, при котором мяч и ракетка вступают в контакт между ног теннисистов. В You Tube можно найти ролик, где опытная Даша Касаткина обучает твинеру «невинную» Осаку. Вот моя эпиграмма по этому поводу:

*Даша, как звезда,
Стремится к гениальному,
Учит без труда
Удару генитальному*

Ай да Даша — радость наша

2. В книге «100 уроков тенниса» (Урок 23, стр. 74) я впервые сформулировал «правила безопасности» для игроков в ситуациях, когда мяч с большой скоростью летит в их лицо или туловище.

Именно с этих правил необходимо начинать знакомство с теннисом, особенно детям. Только твердо усвоив, как правильно уклоняться от мяча, летящего в лицо или туловище, можно переходить к ловле мяча рукой и освоению ударов по мячу.

3. Тезис о двух ударных пятнах ракетки

Принято считать, что у ракетки имеется «ударное пятно» — зона в геометрическом центре струнной поверхности, которой необходимо попасть по мячу, чтобы он полетел «точно и сильно». В книге «100 уроков тенниса» (Урок 3, стр.21) я сформулировал новый тезис о двух ударных пятнах ракетки — силовом и точностном, имеющих общий центр примерно в геометрическом центре струнной поверхности.

Силовое пятно — зона, которой необходимо ударить по мячу, чтобы максимально передать ему энергию туловища и ракетки.

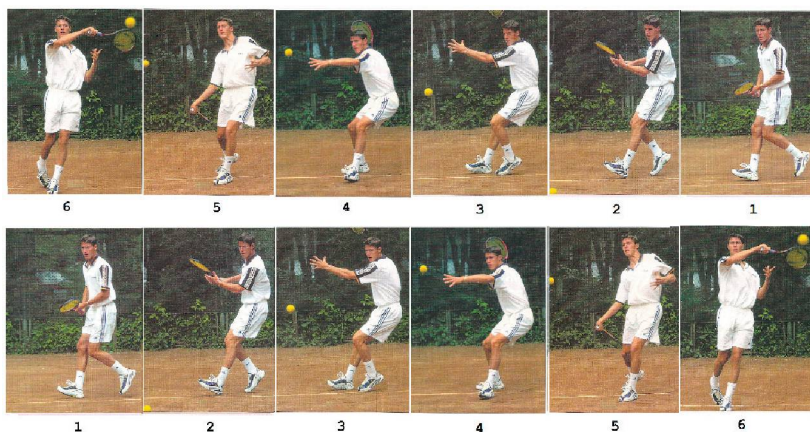
Точностное пятно — зона, которой необходимо ударить по мячу, чтобы он полетел в желаемом направлении.

Размеры силового и точностного пятен находятся в антагонистических отношениях — чем больше у ракетки точностное пятно (чем легче обеспечить требуемую точность), тем меньше силовое пятно (тем труднее ударить сильно), и наоборот.

4. В книге «100 уроков тенниса» (Урок 23, стр. 74) я дал определение главного секрета тенниса — так называемого тайминга. Тайминг — это временное сопряжение двух маятников — физического маятника (движения руки с ракеткой) и крутильного маятника (скручивания-раскручивания плечевого пояса) с характеристиками подлета мяча. Именно сопряжение этих трех факторов обеспечивает правильный ударный ритм, силу и точность ударов.

5.1. Последовательность кадров в кинограмме форхэнда правши

Перед вами две кинограммы форхэнда Марата Сафина.

В мировой практике используется расположение кадров кинограммы форхэнда слева-направо, как это показано в нижнем ряду.

Я предлагаю располагать и изучать кадры кинограммы форхэнда справа-налево, как это показано в верхнем ряду. В этом варианте расположения кадров диаграмма-картинка воспринимается очень естественно — будто мы смотрим на соперника, который от язычка идет в свой правый угол, чтобы выполнить форхэнд.

Такая естественность восприятия новичком визуального материала благоприятствует более успешному усвоению правильных движений.

5.2. Последовательность кадров в кинограмме бэкхэнда левши

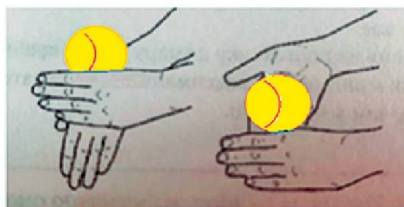
Мое предложение располагать кадры в кинограмме справа-налево справедливо в отношении бэкхэнда левши.

6. В книге «100 уроков тенниса» (Урок 94, стр. 206-207) описывается упражнение, позволяющее тактильно прочувствовать крученый удара справа.

Если жесткой правой ладонью-площадкой резко (рисунок справа) прочесать мяч снизу-вверх, он полетит на вас, вращаясь вперед, и пролетит метров 8-10.

Вид сверху

*Вид спереди
(мяч полетит в вас)*

7. Тактическое ноу-хау для парной игры

Этот прием возможен в стандартной расстановке на корте при слаженной игре партнеров А и Б: партнер А — у сетки, а партнер Б собирается выполнить удар с задней линии по отскочившему мячу. Сеточник А смотрит на своего партнера Б, который направляет мяч низко над сеткой почти в А (сеточник А должен иметь крепкие нервы и хорошую реакцию). В результате игрок-соперник начинает видеть мяч слишком поздно, когда тот вылетает «из-за спины» сеточника-соперника А, и не успевает подготовиться к ответу.

8. Мое рацпредложение для игроков-любителей

Для закрепления конца обмотки на ручке вместо липкой ленты предлагаю использовать аккуратно вырезанное из старой велосипедной камеры резиновое колечко. Натягивать колечко на ручку надо до того, как наматывается обмотка. Ресурс колечка — несколько лет.

9. Кроме указанных в тексте выше моих собственных книг я перевел с английского и отредактировал две книги по теннису:

Теннис (Спорт от А до Я), изд. АСТ • Астрель, Москва, 2003;

Теннис: шаги к успеху, Джим Браун, изд. АСТ • Астрель, Москва, 2009.

Содержание

Вступление.	5
Глава 1. Открытие чудного мира	7
Глава 2. Детская теннисная секция в Детском Городке Лужников.	9
Глава 3. Мои теннисные тренеры.	12
Глава 4. Эпоха «Теннисный Городок»	17
Глава 5. На службе государевой	20
Глава 6. Теннисный клуб «Лихоборы»	22
Глава 7. Теннис: я и мой сын	24
Глава 8. Теннисная секция Центрального Дома ученых	27
Глава 9. Памятные для меня события, ситуации, факты, связанные с теннисом	33
Глава 10. Мое репетиторство	56
Глава 11. Теннисные конструкторы и умельцы	68
Глава 12. Теннис в Кратово	78
Глава 13. Испания ... без тенниса.	81
Глава 14. Теннис и шахматы	85
Глава 15. О ком я хочу рассказать отдельно	92
Глава 16. Короткая прогулка в детство	106
Глава 17. Что я думаю о профессиональном теннисе. Как его осовременить	109
Эпилог.	122
Приложение. Мой «вклад» в теннис	124